

АНТОН ИВАНОВИЧ СЕРДИТСЯ

Под громкие гнусавые звуки органа появляются титры:

АНТОН ИВАНОВИЧ СЕРДИТСЯ

Действующие лица

Антон Иванович Воронов — органист, профессор консерватории.
Наталья Михайловна — его жена.

Дина — их дочь, виолончелистка. Сухая девушка, 25 лет.

Сима — их вторая дочь, певица, 22 лет.

Витя — их сын, 12 лет.

Алексей Мухин — композитор.

Серафим Керосинов — композитор, жилец в квартире Воронова.

Степан Степанович Скворешников — директор Театра музыкальной комедии.

Ядвига Валентиновна Теплицкая-Холодова — опереточная певица, 47 лет.

Яков Григорьевич Кибрик — ее муж, опереточный комик.

Андрей Аполлонович — учитель пения.

Самуил Маркович — дирижер.

Старички — друзья Антона Ивановича, режиссер, актеры, музыканты, подруги Симы, профессора, ученики консерватории.

Небольшой концертный зал с органом в глубине эстрады.

На органе играет Антон Иванович Воронов. Исполняется fuga Баха.

Под заключительные ее аккорды аппарат движется вдоль первых рядов зала, задерживаясь на особенно характерных лицах слушателей. Это записные любители классической музыки. Они сосредоточенны и очень торжественны. У многих закрыты глаза.

В конце первого ряда сидит семья Вороновых.

Наталья Михайловна в черном шелковом платье с высоким воротником на пластинках из китового уса. Она тербит платочек; на лице ее написано обожание.

Рядом с нею — Дина. Она, как и мать, в черном. Сидит выпрямившись, устремив глаза в одну точку.

Дальше, удобно развалившись в кресле, покоится Керосинов. Он прищурил один глаз, вытянул ноги и незаметно для окружающих почесывается под жилеткой.

По правую руку от него — Сима, Она внимательно слушает игру отца, что не мешает ей время от времени поправлять прическу.

Последним в ряду ерзает на приставном стуле младший отпрыск семьи Вороновых — Витя.

Антон Иванович кончает играть. Аплодисменты.

Антон Иванович раскланивается. Снятый снизу, он очень величествен, в своем черном сюртуке и золотых очках, на фоне сверкающих конусов и труб большого органа.

Семья Вороновых и Керосинов поспешно выбираются из зала, аплодируя на ходу.

Артистическая комната. Антон Иванович вытирает платком лоб и шею. Вокруг небольшая группа пожилых людей, — видимо, музыкантов. Они поздравляют его.

Старик в высоком воротничке. Серьезное, очень серьезное исполнение! Пожалуй, Антон Иванович, теперь никто, кроме вас, так не сыграет.

Другой старик (хлопая Антона *Ивановича* по плечу). Стар золотник, да дорог!

Антон Иванович. Вашими бы устами...

Старики дружно смеются.

В артистическую комнату входят Наталия Михайловна, Дина, Сима, Витя и Керосинов.

Наталия Михайловна. Боже мой! Весь мокрый!

Привычными движениями (видно, это установившаяся *традиция*) она помогает Антону Ивановичу снять сюртук и надевает на него свободный домашний пиджак.

Антон Иванович (отдавая себя в распоряжение *жены*). Нет, уж что там ни говори, а старое — старится. Вот, рекомендую, — на днях кончает консерваторию! (*Обнимает Симу.*) Она вам всем покажет. Моя гордость!

Сима, Нет это ты — наша гордость! (Нежно целует отца.)

Дина (подходит с другой стороны). У тебя сегодня очень хорошо звучало адажио в це-мольной сонате.

Антон Иванович подставляет ей щеку. Потом целует Витю.

В кадре появляется Керосинов. Он протягивает Антону Ивановичу руку.

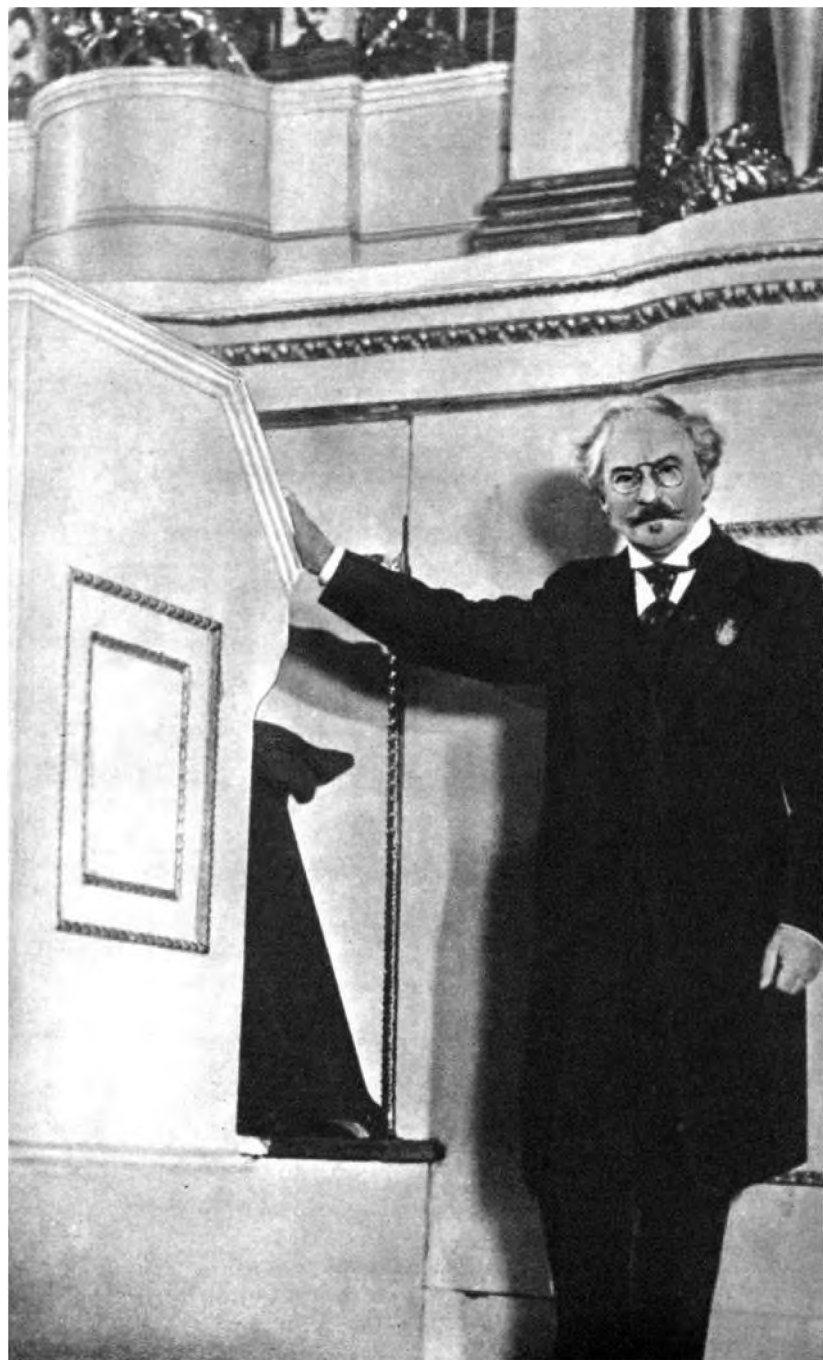
Керосинов. Поздравляю последним. (Горько улыбается.) Такова моя роль — во всем и всегда быть последним.

Антон Иванович. Ну что вы, Керосинов, как вам не стыдно! Вы у нас первый, а не последний. (Старичкам.) Скромничает. Седьмой год вынашивает симфонию.

Керосинов. Девятый.

Капельдинер вносит пальто и калоши.

Антон Ивановича одевают всей семьей.

В темноте начинают бить часы. Слышны скрипичные гаммы. Старомодные настенные часы, показывающие девять.

Перед нами — столовая, старая петербургская столовая, каких немного осталось сейчас. Видно, мебель в ней не переставляли уже лет тридцать. Большой обеденный стол, над которым висит лампа, переделанная из керосиновой. Громоздкий буфет. Раскрашенные тарелки на стенах. Тяжелые резные стулья вокруг стола. В углу комнаты — арфа, перед ней — пюпитр. В другом углу — рояль, фисгармония и еще несколько пюпитров. Над фисгармонией громадный портрет Баха.

За столом Наталия Михайловна. Она заканчивает приготовления к утреннему чаю.

С последним ударом часов открывается дверь и в столовую входит Антон Иванович.

Антон Иванович. Девочки встали?

Наталия Михайловна. Умываются. (Кричит.) Витя! (Гаммы продолжают.) Витя!

Комната мальчика. Витя, уставившись в стенку, играет на скрипке гаммы в терциях.

Услышав голос матери, он кладет скрипку на кровать, снимает с шеи подушечку, завязанную тесемками, и идет к двери.

Столовая. За столом — Антон Иванович, Наталия Михайловна и Дина. Вбегают Витя.

Витя. Мама! Если ты мне дашь три рубля... И тогда я возьму мои девять... Тогда у меня будет двенадцать. И когда я пойду назад из консерватории...

Наталия Михайловна. Витя, я тебе уже говорила, — никаких белых крыс я в дом не пушу.

Витя. Ма-а...

Антон Иванович. Прежде всего нужно сказать «доброе утро».

Витя. Доброе утро. (Садится и ест.)

Наталия Михайловна. Что же Сима? Вечно опаздывает!

Дина. Она, конечно, причесывается. Ты же знаешь, мама, какое это для нее важное занятие.

Все смотрят на дверь. Она открывается. Входит Сима. Достаточно взглянуть на нее, светлую, свежую после умывания, чтобы понять, что сердиться на нее невозможно. Это любимица семьи.

Сима. Доброе утро.

Наталия Михайловна. Витенька, отнеси Керосинову завтрак. Он, видно, опять всю ночь работал. (Передает Вите подносик с завтраком.)

Сима (иронически). Гениальный Керосинов!

Дина. Да. Гениальный. И если ты этого не понимаешь...

Сима. Я понимаю только одно: девять лет человек пишет эту свою, как ее, зоологическую симфонию...

Дина (*дрожащим голосом*). Физиологическую.

Сима. Все равно. Ты слышала хоть один такт из этой самой физиологической симфонии?

Дина. Ты рассуждаешь как дикарь.

Антон Иванович. Не ссорьтесь, девочки. Ты пойми, Симочка, это очень тонкий, очень сложный процесс — сочинять музыку! К таланту нельзя подходить с обычными мерками. Я верю в Керосинова.

Сима. Знаю, знаю, сейчас вы скажете, что он несчастный, скромный, гордый, взыскательный, что он написал четыре тысячи страниц фрагментов к первой части симфонии и сжег эти фрагменты... Кстати, где он их сжег? В комнатах у нас центральное отопление, в кухне газ. Что-то не верю я в эти фрагменты.

Дина. Дура! Потому и не веришь!

Наталия Михайловна. Девочки, перестаньте. Витя, ну чего ты стоишь? Иди.

Витя с подносиком выходит из комнаты.

Коридор.

Витя осторожно открывает дверь в комнату Керосинова.

Там ужасный беспорядок. На полу валяются клочья нотной бу-

маги, покрытые каракулями. Стол загроможден какими-то рукописями и грязной посудой. На подоконнике — пустые бутылки.

Керосинов, одетый, в ботинках, лежит на постели, уткнувшись лицом в подушку,

Витя (трогая *Керосинова за плечо*). Керосинов, завтрак!

Керосинов недовольно мычит.

Витя на цыпочках выходит из комнаты.

Снова столовая. Теперь тут царствует мир. Входит Витя.

Идет к окну. На окне — аквариум с золотыми рыбками. Витя высыпает в воду корм из мешочка. Смотрит в окно.

Витя. Сима! Этот опять здесь! Честное пионерское! И на том самом месте!

Сима страшно смущена. Все на нее смотрят.

Наталья Михайловна. Это что-то невозможное. Совершенно незнакомый человек является к нам под окно каждое утро, как на службу.

Дина, Знаешь, Серафима, я бы на твоём месте так его отбрила! Сима. Оставь меня в покое!

Витя (с энтузиазмом). Он уже с нашим дворником познакомился!

Все, кроме Симы, встают и подходят к окну.

Антон Иванович (*протирая очки*). А ну-ка, ну-ка... (Смотрит в окно.)

Сверху — тротуар противоположной стороны улицы. Алексей Мухин угощает папиросами дворника. Дворник засовывает папиросу за ухо и начинает подметать улицу. Мухин некоторое время прохаживается взад и вперед. Потом поднимает голову.

Семейство Вороновых отшатывается от окна.

Дина. Если бы ко мне пристал кто-нибудь на улице, я бы сказала ему... (Становится в позу.) «Если вы не перестанете меня преследовать, я буду вынуждена позвать милицию!». Просто хулиганство какое-то!

Сима. Никакого тут нет хулиганства. Если хочешь знать, он даже ни разу не пытался заговорить. Просто идет за мной до самой консерватории и молчит.

Дина. А тебе, наверно, хотелось бы, чтобы он с тобой заговорил?

Сима (сквозь слезы). Вечно ты скажешь какую-нибудь гадость!

Дина. С тобой в последнее время невозможно разговаривать. (Нервно натягивает чехол на виолончель, собираясь уходить.)

Мухин возле уличного фонаря. Терпеливо ждет.

Из подъезда выходит Дина с виолончелью. Проходя мимо Мухина, она пожимает плечами. Но Мухин не смотрит на нее.

Дверь подъезда снова открывается. Теперь выходит Витя со скрипкой. Он старается не смотреть в сторону Мухина, но, поравнявшись с ним, не выдерживает, прыскает и убегает.

Мухин смущенно колупает краску на фонарном столбе.

На улице появляется Антон Иванович. Он в черной шляпе с большими полями. В руках у него зонтик. Выйдя из подъезда, он смотрит на небо, убеждается в том, что открывать зонтик нет необходимости, потом замечает Мухина, выпрямляется и важно шествует по тротуару.

Смущенный Мухин отворачивается от него и принимается внимательно изучать афишу на стене дома.

В это время из подъезда выходит Сима. Глядя себе под ноги, она быстро пересекает улицу.

Мухин не видит ее. Он снова поворачивается и выжидательно смотрит на дверь. Потом рассеяно оглядывает улицу — и вдруг замечает удаляющуюся Симу. Устремляется за ней.

Наталья Михайловна видит это из окна и в ужасе подносит пальцы к вискам.

Улица. Сима идет быстро, маленькими шажками, по-прежнему глядя себе под ноги.

Стараясь идти с ней в ногу, метрах в десяти позади, семенит Мухин. Внезапно дорогу ему преграждает так называемый хороший знакомый, из тех, какие попадают на пути человека раз в году в самых неудобных для него случаях и мучительно допытываются у него, как он поживает.

Хороший знакомый. Кого я вижу! Мухин! Миша! (Хватает его руку и с энтузиазмом трясет ее.)

Мухин. Меня зовут Алексеем, и потом, я очень спешу. Понимаешь, в театр. Ты мне позвони, Ванечка...

Хороший знакомый. Так я же не Ваня, чудак человек. Вечно ты меня с Блиновым путаешь. Это он — Ваня, а я — Павел.

Мухин. А-а-а!.. (Пытается вырвать руку.) Меня, понимаешь, в театре ждут.

Он томится, переминается с ноги на ногу и с тоской поглядывает в ту сторону, куда ушла Сима,

Хороший знакомый. Все сочиняешь? А у меня, брат, мальчишка твои песни распевает. Шесть лет подлецу — абсолютный слух! Вчера мы с женой сидим после обеда...

Мухин. Ну, счастливо! (Могучим усилием вырывает руку и убегает. На бегу оборачивается и, показывая на ручные часы, кричит.) Меня ждут в театре!

Фойе Театра музыкальной комедии. Вокруг рояля на креслах и диванах расположилась труппа. Все в ожидании. Поглядывают на

часы. Скучают. Яков Григорьевич Кибрик разговаривает с директором театра Скворешниковым. Маленький Кибрик, в клетчатых брюках и пиджачке с далеко высунутым из бокового кармана платком, по уши погружен в громадное кожаное кресло. Скворешников сидит рядом, в другом кресле. Вид у него чрезвычайно достойный. Он время от времени причесывается, стараясь равномерно распределить небольшую прядь волос по всей лысине.

К и б р и к (досказывает конец анекдота). Тогда бог говорит: отдайте ему его сто рублей, и пусть... (Наклоняется к уху Скворешникова и что-то шепчет.)

Скворешников бурно хохочет. Причесывается.

К ним подходит Теплицкая-Холодова. Кибрик съезживается в своем кресле.

Т е п л и ц к а я - Х о л о д о в а. Что же это наш советский Оффенбах заставляет себя ждать! (*Садится на стул рядом со Скворешниковым.*) Назначено в десять, я сама опоздала на час. Просто неприлично по отношению к труппе.

Скворешников смотрит на часы. Часы показывают одиннадцать.

Улица. Часы около автобусной остановки показывают одиннадцать.

Аппарат опускается. Небольшая очередь людей, ожидающих автобуса. В очереди Сима. За ней — Мухин.

М у х и н (в пространство). Как долго нет автобуса!

Сима не оборачивается.

М у х и н. Вам на какой номер?

С и м а (*отрывисто*). На седьмой.

Пауза.

М у х и н. Простите, вы не знаете, который час?

С и м а (*не поднимая головы*). Не знаю.

Пауза.

М у х и н. Простите, а седьмой номер разве здесь останавливается?

С и м а. Да.

Пауза.

М у х и н. Простите, а седьмой номер куда идет?

Сима неожиданно и резко поворачивается к Мухину и принимает позу, преподанную Диной.

С и м а. Если вы не перестанете меня преследовать, я буду вынуждена... буду вынуждена... ходить в консерваторию другой дорогой.

Мухин совершенно растерян.

С и м а (*окончательно позабыв советы Дины*). Ну подумайте сами — в какое положение вы меня ставите! Каждый день вы стоите под нашими окнами. Надо мной все смеются. (*Жалобно.*) Не ходите вы за мной. Неужели вы могли подумать, что со мной можно так вот бесцеремонно заговорить на улице?

Подходит автобус. Сима вскакивает на подножку. Автобус уходит. Мухин остается на улице.

Снова в фойе театра. Та же группа людей вокруг рояля.

Теплицкая - Холодова. Нет, из этого ничего не выйдет! (Поднимается с места.) И вообще мне надоело ждать.

Скворешников. Он сейчас придет, Ядвига Валентиновна. Не волнуйтесь.

Теплицкая. Волноваться? Нет, в этом театре я уже давно разучилась волноваться. (Нервно открывает и закрывает сумочку.) Когда тебя не ценят, когда с тобой не считаются...

Скворешников. Помилуйте, Ядвига Валентиновна, это вас-то не ценят?!

Кибрик. Ядя, тебя ценит публика.

Теплицкая (значительно). Кое-кто этого не понимает. Если бы понимали, из меня бы не делали чучело!

Скворешников. Помилуйте, Ядвига Валентиновна, кто же из вас делает чучело?

Теплицкая. Вы! Именно вы!

Скворешников. Но помилуйте... (Огорченно причесывается.)

Теплицкая. А зачем вы заставляете меня петь в ужасном крепдешинном платье... с ведрами в руках?.. Какую-то свинарку!

Кибрик (кротко). Доярку, Ядя.

Теплицкая. Тем более! На что это похоже! Примадонна оперетты выходит на сцену с этим... с повойником...

Кибрик (кротко). С подойником, Ядя!

Теплицкая. Если бы Кальман это узнал, он бы перевернулся в гробу.

Кибрик. Он жив, Ядя!

Теплицкая. Значит, он перевернется, когда умрет! Не перебивай меня, я, кажется, ясно выражаюсь! И вот сейчас мы ждем какого-то мальчишку, который что-то там насочинял, и опять мне придется петь в тулупе и валенках, стоя на льдине, и стрелять в белых медведей.

Скворешников. Публика требует современный репертуар.

Теплицкая. Публика требует вот что! (*Садится за рояль, наигрывает и напевает из оперетты «Пупсик».*) Вот это музыка! (*Продолжая говорить, наигрывает.*) В первом акте — я во всем зеленом: зеленое платье, зеленые чулки, зеленые туфли. Манто — белое. Второй акт — бальное платье, открытые плечи, страусовое перо. Манто — шиншиловое. В третьем акте — на голове диадема. Манто — соболье! Вот что такое оперетта! (*Вскакивает с места,*) А не какая-нибудь белиберда.

Кибрик. Ядя, тише, он идет..

Входит Мухин.

Мухин. Простите» я опоздал.

Скворешников (здороваясь с ним). Пустяки. Познакомьтесь: Ядвига Валентиновна Теплицкая-Холодова.

Теплицкая (*хватает руку Мухина и заглядывает ему в глаза*). Я так много о вас слышала. Мы с таким нетерпением ждем вашу оперетту!..

Мухин. Здравствуйте, Яков Григорьевич.

Кибрик. Здравствуй, Алеша, здравствуй, милый! (*Целует Мухина в губы, вставая на цыпочки.*)

Присутствующие пододвигают кресла ближе к роялю и рассаживаются.

Мухин (*раскрывает партитуру*). Значит, так... Сначала я сыграю увертюру, а потом, вы уж меня извините, буду петь. Ну, вот.. (*Начинает играть увертюру.*)

Бравурные аккорды вскоре сменяются мелодией, которой предстоит стать основной мелодией фильма.

Консерваторский класс. Два десятка учеников сидят за столиками.

Антон Иванович Воронов с куском мела в руках стоит у доски, разграфленной нотными линейками. На доске — ноты.

Антон. Иванович (*подняв выпачканный мелом палец*). Это и называется в музыке — контрапункт. Всем понятно?

В кадре слышен невнятный гомон, из которого явствует, что всем понятно.

Антон Иванович. На этом сегодня закончим.

Выходит из класса, сопровождаемый учениками.

Идет по коридору, вежливо и важно раскланиваясь со встречаемыми.

Останавливается у одного из классов, берется за ручку двери, прислушивается, потом отпускает ручку и, выпрямившись, начинает слушать внимательно.

Слышен голос, поющий вальс Мюзетты из оперы Пуччини «Богема».

В классе. Опираясь рукой на крышку рояля, стоит Сима. Она поет. За роялем — аккомпаниаторша.

По классу расхаживает учитель пения Андрей Аполлонович — старик с бодро закрученными усами. Это подвижный и, очевидно, очень веселый человек. Он слушает пение, участвуя в нем всей своей коротенькой, толстенькой фигуркой. Когда Сима берет высокие ноты, он приподнимается на носки и как бы вытягивает ноту у себя изо рта длинным движением пальцев, сложенных щепотью.

Когда Сима кончает первую половину арии, учитель останавливает ее жестом.

Андрей Аполлонович. Теперь совсем хорошо, Симочка. На экзамене вы всех положите на обе лопатки. Мы правильно сделали, что выбрали эту арию. Голосом вы Мюзетта. Да! Но движения, жесты... Это же вальс! И этот вальс поет веселая французская девушка. Здесь нужна подвижность. Ведь я вас готовлю для сцены.

С и м а. Я об этом думала, Андрей Аполлонович. Я часто думаю о том, какой мне хотелось бы быть на сцене... Ну, какая я буду на сцене... И вот — Мюзетта. Это нельзя петь не двигаясь.

Андрей Аполлонович. Так, так, так.

Сима. Можно я покажу, как я думала? (Аккомпаниаторше.) Верочка, давайте дальше.

Пианистка играет.

Теперь Сима поет совсем иначе. Она поет, почти танцует. Делает она это с необыкновенной живостью и изяществом. Это уже не та Сима, которая только что пела, опершись на рояль. Совершенно очевидно, что ее призвание — в соединении голоса и танца.

Андрей Аполлонович увлечен. Он подпевает, пританцовывает, дирижирует.

Андрей Аполлонович. Так, так, так! Прелестно! Брависсимо! Вот теперь вы себя наконец нашли!

Эти слова еще больше вдохновляют Симу, и она поет с настоящим артистическим блеском.

Внезапно дверь класса открывается и входит Антон Иванович. Увидев танцующую Симу, он в изумлении останавливается. Он потрясен, как мог бы быть потрясен первосвященник, ставший свидетелем святотатства в храме.

Под его взглядом Сима увядает. Движения ее становятся робкими, она останавливается и конец арии поет стоя у рояля и не поднимая глаз.

Антон Иванович медленно подходит к учителю пения и молча с ним здоровается. Потом поворачивается к Симе.

Антон Иванович. Ты кончила, Сима?

Сима кивает головой.

Антон Иванович. Тогда, деточка, иди домой без меня. Я немного задержусь. Нам нужно поговорить с Андреем Аполлоновичем.

Сима собирает ноты и выходит из класса вместе с аккомпаниаторшей.

Андрей Аполлонович. Прошу вас!

Старики садятся на стулья у рояля. Снять их следует крупным планом на фоне клавиатуры.

Антон Иванович. Это у вас «Бехштейн»?

Андрей Аполлонович. Да.

Антон Иванович. Прекрасный рояль. Да-а... Так вот что я хотел вам сказать, профессор. Вы сделали мою дочь певицей, и, я думаю, хорошей певицей, может быть, даже очень хорошей. Но то, что я слышал и видел сегодня... Вы позволите говорить откровенно?

Андрей Аполлонович. Пожалуйста. Я прошу вас.

Антон Иванович. То, что я видел сегодня, меня глубоко огорчило. Видите ли, профессор, мы с вами, каждый в своей области, делаем одно дело — готовим учеников к великой миссии. (Антон Иванович поднимает все еще выпачканный мелом палец.) Нести людям музыку! И в наших учениках мы должны воспитывать строгий, я сказал бы — строжайший вкус!

Андрей Аполлонович. Очень-очень правильно!

Антон Иванович. Вот видите, вы говорите «правильно». Как же вы могли дать моей дочери к выпускному экзамену петь эту... я даже не знаю, как это назвать... шансонетку!

Андрей Аполлонович. Позвольте, профессор...

Антон Иванович. Нет, вы позвольте, профессор! Когда я слышу серьезную музыку, мне хочется встать и снять шляпу. А это... это музыка, которую можно слушать, развалившись на диване. Это даже нельзя назвать музыкой! Это какие-то танцы.

Андрей Аполлонович. Ну, знаете, профессор...

Антон Иванович. Нет, уж вы меня не перебивайте, профессор! Иоганн Себастьян Бах...

Андрей Аполлонович (взвизгивает). Иоганн Себастьян Бах был веселый, толстый человек!

Антон Иванович. Иоганн Себастьян Бах писал хоралы!!! А вы знаете, профессор, что такое хорал? Это молитва!

Андрей Аполлонович. Иоганн Себастьян Бах написал «Сарабанду»!!! А вы знаете, что такое «Сарабанда», профессор? «Сарабанда» — это танец! Танец!

Антон Иванович, Замолчите!..

Андрей Аполлонович. Танец! Танец! *(Отталкивает локтем Антона Ивановича и начинает играть «Сарабанду».)* Ну, что это? Что это?

Антон Иванович. Это шутка гения. Пустите! *(Отстраняет Андрея Аполлоновича.)* Вот где Бах! *(С яростью берет первые аккорды баховского хорала.)* А Бетховен! Он тоже был веселый, толстый человек? Или это был гениальный страдалец, не понятый человечеством? Что это, по-вашему? *(С еще большей экспрессией, но с горестным видом играет начало «Патетической сонаты».)*

Андрей Аполлонович *(отстраняя Антона Ивановича плечом)*. А это что, профессор? *(Играет бравурное начало «Застольной песни» Бетховена и поет.)* «Постой, выпьем за Бетси еще, Бетси нам грогу стакан последний в дорогу нальет. Бездельник — кто с нами не пьет». Что вы на это скажете, профессор? Это тоже шутка гения?

Антон Иванович. Бетховен написал это по заказу!

Андрей Аполлонович. И очень хорошо! Верди написал «Аиду» тоже по заказу. Представьте себе — ко дню открытия Суэцкого канала.

Антон Иванович. Верди! Этот шарманщик!

Андрей Аполлонович. Как вы смеете, профессор?

Антон Иванович. Нет, как вы смеете, профессор?

Андрей Аполлонович. Вы, профессор, — опасный сектант! *(Ударяет кулаком по верхним клавишам рояля.)*

Антон Иванович. А вы, профессор, — гороховый шут! *(Ударяет кулаком по нижним клавишам рояля.)*

Некоторое время они молчат, оглушенные, испуганные тем, что наговорили друг другу. Андрей Аполлонович поправляет воротничок, Антон Иванович вытирает платком лоб.

Андрей Аполлонович *(тихо)*. Если бы вы не были отцом моей любимой ученицы..,

Антон Иванович. Если бы вы не были учителем моей любимой дочери...

Андрей Аполлонович. Хорошо, оставим это, оставим.

Антон Иванович. Оставим, оставим.

Андрей Аполлонович. Оставим... Итак, что же вам от меня угодно?

Антон Иванович. Мне угодно сообщить вам, что я намерен сделать из моей дочери камерную певицу.

Андрей Аполлонович. Боже!

Антон Иванович. Да. Камерную певицу с очень серьезным,

строгим репертуаром. Бах, Гендель, Глюк, Скарлатти, Гайдн — вот какой у нее будет репертуар!

А н д р е й А п о л л о н о в и ч (проникновенно). Поймите вы, изувер, что вы погубите вашу дочь! У Симочки легкий, грациозный, веселый талант. Каждый звук ее голоса, каждое движение — это радость. А вы хотите сделать из нее воблу! Не нужно доказывать мне, что Гендель или Бах — великие музыканты: я это знаю не хуже вас. Все мои ученики поют Генделя и Баха. Но призвание Симочки — это легкий жанр. Слышите? Легкий жанр!

А н т о н И в а н о в и ч (содрогаясь). Не произнесите при мне этих слов. «Легкий жанр»! Я не знаю такого жанра. Его нет в природе. А есть в природе плохая, пошлая музыка. И незачем называть ее заграничным словом «жанр». Глупости все это!

А н д р е й А п о л л о н о в и ч (*величественно*). Профессор Воронов, мне жаль вас!

Фойе Театра музыкальной комедии.

Мухин с увлечением поет и играет главную мелодию своей оперетты. Мы ее слышали уже в увертюре. Теперь она получила свое развитие в большой арии. Как многие композиторы, Мухин поет неважно, но со вкусом и выразительно.

Скворешников, откинувшись на спинку кресла и мечтательно ползакрыв глаза, причесывается.

Кибрик тоже увлечен арией. Он даже слегка дирижирует ногой, заложенной за ногу.

Теплицкая-Холодова, раскрыв сумочку, внимательно рассматривает себя в зеркальце.

В фойе теперь довольно много народу. Иным не хватило стульев, и они стоят. Музыка нравится всем. Некоторые из слушателей начинают подпевать.

Возле входных дверей на стуле сидит капельдинер, на которого возложена обязанность никого не пускать в фойе. Он держит рукой чуть приоткрытую дверь и, время от времени глядя в щель, прикладывает палец к губам.

За дверью — человек пятнадцать служащих театра. Они внимательно слушают и подпевают.

В конце коридора уборщица подметает пол. Начинает напевать ту же мелодию.

Сцена театра. Монтер, стоя на высокой лестнице, ввинчивает лампочку в софит. Он подхватывает и напевает все ту же мелодию.

На сцене декоратор в спецовке большой кистью *малюет* на холсте венецианское окно. Мелодию подхватывает и он.

«Прилипчивую» мелодию подхватывает театральный парикмахер, расчесывая кудлатый парик.

Снова фойе. Мухин играет финал оперетты. Последние аккорды. Он захлопывает партитуру.

Мухин. Ну, вот и все. *(Залпом выпивает стакан остывшего чая.)*

Пауза.

Вдруг раздаются аплодисменты. Слушатели поднимаются с мест и окружают автора.

Скворешников *(трясет руку Мухина)*, Спасибо, Алексей Петрович. От всей труппы — спасибо!

Кибрик. Дай я тебя поцелую, Алешенька! Ты даже сам не понимаешь, что ты написал! *(Целует Мухина.)*

Теплицкая, Прелестно, прелестно! *(Пожимает руку Мухина.)*

Скворешников. Ну, а теперь займемся делом. *(Обращаясь к присутствующим.)* Прошу остаться только членов художественного совета. Прошу вас, товарищи.

Члены художественного совета рассаживаются... Кроме Кибрика и Теплицкой-Холодовой у рояля остаются дирижер и несколько молодых актеров.

Скворешников. Ну, как, товарищи, мне кажется, все ясно?

Кибрик. Позволь-ка мне, Степа! Что много говорить! Прелестная музыка. Я тебе прямо скажу, Алеша, откровенно скажу — ты написал гениальную вещь. Но спеть ее в таком виде нельзя. *(Разводит руками.)*

Скворешников. Почему? Не понимаю.

Кибрик. Очень просто. Ты, Алеша, так написал партию героини, что ее не сможет спеть ни одна певица в нашем театре. Даже такая выдающаяся — вы простите, что я так говорю о своей жене, — даже такая выдающаяся вокалистка, как Ядя.

Теплицкая. Это просто невозможно. Тут такая адская тесситура... Четыре раза верхнее до... *(Показывает на рояле.)* Может быть, товарищ автор предполагал, что эту арию будет петь Галли-Курчи или Тотти Даль-Монте! Четыре раза верхнее до!..

Кибрик. А у Яди самая высокая нота — фа.

Теплицкая. Положим, у меня самая высокая нота — соль, но... не будем об этом говорить. Кажется, и так ясно.

Скворешников. Позвольте, позвольте, ничего не ясно... Ядвига Валентиновна... Яша... подождите... Ну, высокая партия! Подумаешь, горе какое! Сделаем ниже. На сколько там выше, чем нужно?

Д и р и ж е р. На четыре тона. (Кисло.) Это, конечно, можно транспонировать.

С к в о р е ш н и к о в. Ну и прекрасно. Алексей Петрович сделает нам это в одну минуту, и мы можем начать репетировать.

М у х и н (очень спокойно). Нет, я не согласен. Я не буду транспонировать эту партию.

Все потрясены.

К и б р и к. Алеша, ты сошел с ума.

С к в о р е ш н и к о в. Это все делают.

М у х и н. И очень печально, Настоящие музыканты этого не делают и никогда не будут делать.

К и б р и к. Опомнись, Алеша. Это же оперетта. Это же легкий жанр!

М у х и н. Терпеть не могу этого слова. «Легкий жанр!» Пристанище для халтурщиков! Нужно делать серьезно все, в каком бы жанре ты ни писал. Музыка есть музыка!

К и б р и к (воздевая ручки к небу). Кто это говорит! Бетховен? Бах? Римский-Корсаков?

М у х и н. Это говорит их ученик — Мухин. Я не хочу, чтобы мои учителя за меня краснели.

К и б р и к. Ну, все ясно. Перед нами — буйный помешанный. Ты понимаешь, голова садовая, что Ядя не сможет петь в твоей оперетте?

Мухин. Ну что же делать, споет кто-нибудь другой.

Теплицкая (величественно поднимаясь с места). Ах так!
(Направляется к двери.)

Скворешников. Ядвига Валентиновна!

Кибрик. Ядя! (Идет за ней. У двери оборачивается, пожимает плечами, разводит руками.)

Дверь за Теплицкой с треском захлопывается.

Кибрик вздрагивает. Потом со страхом следует за женой.

Члены художественного совета остолбенело смотрят им вслед.

Мухин еле заметно улыбается.

По коридору стремительно несется Теплицкая. За ней, еле поспевая, бежит Кибрик.

Теплицкая. Теперь мне все ясно. Ты с ним заодно.

Кибрик. Ядя!

Теплицкая. Я, слава богу, тридцать пять лет Ядя!

Кибрик. Положим, сорок семь...

Теплицкая. Негодяй!

Кибрик. Ну послушай, Ядя...

Теплицкая. Ничего не хочу слушать... Или я — или она!

Кибрик. Кто — она?

Теплицкая. Эта самая оперетта твоего Мухина, этого пачкуна!

Кибрик. Какой же он «мой»? Ядя...

Теплицкая. Ты думаешь, я не понимаю» что тебе нравится роль, которую для тебя написал этот уголовный тип?

Кибрик. Ядя, ну какой же он «уголовный тип»?

Теплицкая. Ах ты его защищаешь!

Кибрик. Ладно, ладно, уголовный тип, только успокойся.

Теплицкая. Так вот. Завтра весь ваш художественный совет будет ползать у моих ног и умолять, чтобы я взяла роль. И я...

Кибрик (кротко). И ты согласишься, Ядя.

Теплицкая. Никогда!

Кибрик. А ты подумала, что они могут найти другую певицу?

Теплицкая. В нашем театре, слава богу, уже давно нет других певиц.

Кибрик. Ядя! Они могут найти певицу в другом месте.

Теплицкая. Что? «В другом месте»? Ну, так знай, ты, член художественного совета! Если эта пачкотня пойдет в нашем театре» можешь не приходить домой! (Хватает Кибрика за руку и тащит его за собой вниз по лестнице.)

Фойе. Члены художественного совета покинули свои удобные кресла. Они стоят у рояля.

Скворешников. Нет, Алексей Петрович, тут ничего не при-

думаешь. Придется поклониться в ножки нашей Ядвиге Валентиновне.

Мухин. Как хотите. Только я не изменю в моей партитуре ни одной ноты.

Скворешников. Но тогда мы не сможем поставить вашу оперетту!

Мухин. Что ж делать! (Берет с рояля партитуру.)

Члены худсовета (*нестройным хором*).

— Ну что вы, Алексей Петрович!

— Нельзя же так!

— Давайте подумаем хорошенько!

Скворешников. Голубчик мой! Вы *меня* ставите в безвыходное положение. (Нервно *причесывается*.) Поверьте, нам всем очень нравится ваша оперетта.

Мухин. Тогда найдите певицу.

Скворешников. Легко сказать — найдите певицу! Где я ее найду?

Мухин. Не знаю. Это дело ваше, хозяйское.

Дирижер. Степан Степанович, а что если еще разок попробовать в консерватории? Поискать среди молодежи? А? Ведь невозможно работать. (*Оглядывается на дверь*.) Три года назад я ей транспонировал на два тона, в прошлом году — на три, а теперь — слышали? — она требует на четыре. Если так пойдет дальше — придется скоро понижать ей партию на целую октаву.

Скворешников. Что я могу сделать, если молодежь не идет в оперетту? Всех в оперу тянет. Попробуем, конечно, поискать еще. Но репетировать начинаем завтра же. Предлагаю так и решить.

Сима, на небольшом возвышении, поет арию «с драгоценностями» из оперы «Фауст».

Стол экзаменационной комиссии. За столом — профессора консерватории. Среди них — Андрей Аполлонович, немного взволнованный и торжественный.

Несколько *поодаль* от стола сидят Скворешников и дирижер театра оперетты. В то время как Сима поет, они переглядываются, одобрительно покачивают головами и всем своим видом показывают, что они нашли наконец то, что искали.

Сима кончает петь. В зале раздаются аплодисменты. Председатель приподнимается и строго глядит назад.

Председатель. Прошу не забывать, что здесь проходит экзамен.

Сима робко выходит из зала.

В коридоре ее сразу же окружают ученики, ожидающие своей очереди.

Снова в экзаменационном зале.

Председатель (поздравляя *Андрея* Аполлоновича). Отличная ученица. Прелестный, легкий талант.

Андрей Аполлонович. Да? Вы так думаете? Это очень приятно.

Председатель (поворачивается к залу). Ну-с, кто у нас следующий?

Андрей Аполлонович идет к двери.

Дорогу ему преграждают Скворешников и дирижер.

Скворешников. Вы были правы. Это именно то, что нам нужно.

Андрей Аполлонович (*пропуская их вперед*). Вам предстоит нелегкая задача. Ее уважаемый папаша разорвет вас на мелкие кусочки. И я снимаю с себя всякую ответственность. Я вас предупредил.

Коридор. Андрей Аполлонович, сопровождаемый Скворешниковым и дирижером, сквозь толпу учеников подходит к Симе. Обнимает ее за плечи.

Андрей Аполлонович. Ну, Симочка, все прошло великолепно. От всей души поздравляю. Теперь вы артистка.

Сима. Можно я вас поцелую, Андрей Аполлонович?

Андрей Аполлонович. Можно и нужно. (Разглаживает усы, целует ее.)

Сима. Я была такая неумелая, такая глупая, когда я пришла к вам... Это все вы, Андрей Аполлонович!

Андрей Аполлонович (смущенно). Ну, ну, ладно об этом. Моя роль окончилась. Сейчас, Симочка, начинается роль... Вот... Познакомьтесь. Директор Театра музыкальной комедии, мой старый друг Степан Степанович Скворешников. Он вам собирается сделать страшное предложение. Очень страшное! Такое страшное, что я даже ухожу, чтобы не слышать.

Пятится от нее, шутивно вытянув руки.

Скворешников и дирижер с достоинством пожимают руку Симы.

Комната Мухина. Рояль, диван, портрет Баха.

Мухин сидит у стола, заставленного фотографическими принадлежностями. С очень грустным лицом он покачивает ванночку, где мокнет снимок. Насвистывает печальную тему из первой части Шестой симфонии Чайковского. Вынимает из ванночки фотографию, с которой капает вода.

На фотографии, расплывчатой и туманной, в полном смысле слова любительской, изображена Сима, выходящая из подъезда.

Продолжая насвистывать все ту же трагическую мелодию, Мухин

подходит к книжному шкафу и наклепляет снимок на стекло, где уже красуется десяток таких же фотографических недоносков.

Он внимательно разглядывает их. Здесь Сима, идущая в толпе пешеходов; Сима, сидящая в автобусе; Сима, разговаривающая на улице с какой-то девушкой; Сима со своим папой Антоном Ивановичем; Сима со своим братом Витей.

Мухин берет с полки книгу, садится в кресло и начинает читать. Тотчас же бросает книгу и быстро выходит из комнаты.

Мухин в передней надевает пальто и шляпу. Берется за ручку двери. Потом отпускает ручку, снимает пальто и шляпу и плетется обратно в комнату.

Садится за рояль. Торопливо проигрывает несколько тактов из мелодии, которую только что насвистывал. Неожиданно вскакивает, захлопывает крышку рояля, начинает рыться в бумагах на столе. Движения его становятся все более нервными и торопливыми, бумаги летят на пол. Он роется в ящиках письменного стола, в книжном шкафу, становится на стул, заглядывает на шкаф и, внезапно слезая со стула, замечает то, что искал. Это потрепанная телефонная книга, которая подложена под ножку шатающегося стола.

Мухин вытаскивает телефонную книгу, стол накреняется, фотографические принадлежности в беспорядке лезут одна на другую, и из ванночки льется вода.

Но Мухин не замечает этого. Он лихорадочно листает телефонную книгу.

Крупно: палец Мухина ползет по столбику фамилий и останавливается на фамилии — Воронов А, И,

Столовая в квартире Вороновых. Семья заканчивает утренний чай,

Сима. Витя, ты еще не кормил своих рыбок?

Витя подходит к окну и насыпает рыбкам корм, по обыкновению разглядывая улицу.

Сима не спускает с него глаз. Она напряжена.

Наталья Михайловна переглядывается с Антоном Ивановичем. Они немного озабочены.

Дина готова отпустить по адресу Симы какое-то замечание, но Наталья Михайловна прикладывает палец к губам.

Звонит телефон. Сима подходит к нему. Берет трубку.

Сима. Слушаю.

Комната Мухина. Мухин, вжав голову в плечи, испуганно кладет на рычаг телефонную трубку.

Столовая Вороновых.

Сима. Слушаю. Алло! Алло!

Вешает трубку. Как бы гуляя по комнате, направляется к окну. Стараясь сделать это незаметно, смотрит на улицу.

Улица сверху.

Дворник метет мостовую. Кроме него, на улице никого нет.

Голос Наталии Михайловны. Симочка, может быть, еще стаканчик?

Голос Симы. Нет, спасибо.

Наталья Михайловна (*грустно глядя на Симу*), Может быть, молока?

Сима. Спасибо.

Наталья Михайловна. Спасибо — да или спасибо — нет?

Сима (*через силу улыбаясь*). Спасибо — нет. (*Надевает шапочку.*)

Антон Иванович (*следит за Симой из-за газеты*), Ты куда, Симочка?

Сима. Так. По одному делу. (*Выходит из столовой.*)

Комната Симы. Она входит и, косясь на дверь, берет из-под подушки сверток нот. Прячет его под пальто.

Это видит заглянувший в дверь Керосинов.

Сима снова появляется в столовой.

Антон Иванович. Может быть, ты меня подождешь?

Сима (*испуганно*). Нет, я спешу, папа. (*Выходит из комнаты.*)

Антон Иванович. Мда. (Подходит к окну и смотрит на улицу)

Сверху: Сима выходит из подъезда. Оглядываясь по сторонам, переходит на противоположный тротуар.

Комната Мухина. Он сидит за столом и лихорадочно пишет. Бросает перо, вскакивает, перечитывает написанное.

Крупно: листок нотной бумаги, на котором написано:

«Глубокоуважаемая Серафима Антоновна! Не удивляйтесь тому, что я знаю Ваше имя. Только что я хотел позвонить Вам, но не решился. Не удивляйтесь, что я знаю номер Вашего телефона. Все это потому, что я не могу о Вас не думать. Не удивляйтесь моей настойчивости. Я должен увидеть Вас немедленно. Все это ужасно глупо. Мне стыдно было повсюду ходить за Вами. Мне стыдно писать Вам. Но что мне делать?»

Мухин строго смотрит на себя в зеркало и медленно рвет письмо. Горько усмехается.

Звонит телефон.

Мухин вздрагивает. Потом с какой-то непонятной надеждой берет трубку.

Мухин (взволнованно). Слушаю. (С *внезапным равнодушием*.) А! Здравствуйте. Нет, я не приеду. Занят. Так. Одно дело. Что? Да ну? И действительно хорошо поет? Ладно, пожалуй, приеду. Что? Сейчас? Постараюсь.

Кабинет директора Театра музыкальной комедии.

Скворешников (в трубку). Значит, мы ждем.

Вешает трубку. Напевая и причесываясь, выходит из комнаты.

Полутемная сцена Театра музыкальной комедии. Идет репетиция. На сцене Сима и Кибрик. Сбоку, за столиком режиссер. В углу сцены несколько актеров, ждущих выхода.

Репетиция идет под рояль. Дирижер стоит рядом с пианистом, отсчитывая такт рукой.

Сима и Кибрик поют дуэт. Кибрик вял и небрежен. Он в пальто и калошах. Поет он вполголоса, так что невозможно различить слова.

Сима напряжена и взволнована. Она поет всерьез, полным голосом.

Режиссер. Ну, нельзя так, Яков Григорьевич! Ничего ж не слышно!

Кибрик. Что я могу сделать. (Показывает на Симу.) Она меня уводит. Я не чувствую роли. Это нельзя так петь...

Дирижер, Не выдумывай, Яша, она отлично поет.

Кибрик. Поет-то она отлично, но мне от этого не легче. Я не в ритме. Я не верю, я не чувствую нерва. (*Сима.*) Вы понимаете, детка, что такое каскад?

Сима. Н-нет, я не понимаю, то есть я понимаю... но...

Кибрик. Видите, дорогая моя, искусство, поиски, образ — все это очень хорошо... для Художественного театра! Но не для оперетты, В оперетте все как в арифметике. Все точно известно. Если вы хотите сложить двадцать восемь и четырнадцать, то нечего умничать. Все равно будет сорок два. Вы улавливаете мою мысль?

Сима. Н-нет... то есть...

Кибрик. Когда героиня, то есть вы, поет дуэт с комиком, то есть со мной, это должен быть каскад — это опять-таки арифметика. Как двадцать восемь и четырнадцать. Как ни крутите, а должно быть обязательно сорок два. Вы улавливаете мою мысль?

Сима (стараясь уловить). Н-не совсем.

Кибрик (оборачивается к режиссеру). Ну что я могу сделать? В кадре появляется Скворешников.

Скворешников. Погоди, погоди, Яша, я что-то тоже не улавливаю. Ты что, собственно, хочешь?

Кибрик. Я хочу, чтобы моя партнерша знала, что такое каскад.

Скворешников. И прекрасно. И покажи ей. Надо, в конце концов, помочь молодым.

Кибрик. Как же я могу один показать? Вот если бы с Ядей...

Скворешников и дирижер переглядываются.

Кибрик (*глядя в темный зал*). Ядя, ты здесь?

Молчание.

Скворешников. Ядвига Валентиновна? Может быть, можете?

Голос Теплицкой (из темноты). Меня здесь нет. И потом, я устала. (*Идет по мосткам через оркестр.*)

Кибрик поспешно снимает пальто.

Кибрик (*пианисту*). Давайте «Жрицу огня».

Кибрик и Теплицкая быстро становятся на выход.

Пианист начинает играть.

Кибрик и Теплицкая с шумом и грохотом исполняют каскадный дуэт. Это действительно чистая «арифметика». Здесь все как надо — верчение юбкой, одновременное *дрыганье* то левой, то правой ногой, точно установленные и узаконенные веками улыбки. Одним словом, весь несложный набор приемов, рассчитанных на безошибочное покорение любителей оперетты. Кончается этот фейерверк классическим «уходом»: маленький Кибрик прыгает на руки своей довольно мощной супруги. Обольстительно улыбаясь, но не без труда она уносит его за кулисы. На прощание он дрыгает ножкой, а она делает ручкой.

Все присутствующие на сцене дружно смеются и аплодируют. Кибрик (*Симе*). Теперь вы улавливаете?

Сима. Да, только я, наверное, не смогу так... сделать.

Теплицкая. Что вы, милая, это же так просто!

Сима. Нет, я этого не смогу.

Скворешников. И не нужно. (*Кибрику и Теплицкой.*) Понимаете, Ядвига Валентиновна, это было прелестно, но-о... все это из другой оперы, то бишь из другой оперетты. Здесь нужно другое. Здесь нужно что-то такое... ммм, как бы вам сказать, ммм, — принципиально новое. (*Причесывается*). Вы улавливаете мою мысль?

Теплицкая. Вот это «mmm» вы называете мыслью?

Скворешников (просто). Поймите меня, голубушка: если мы так вот будем трактовать его музыку, автор нас просто растерзает. Разве вы его не знаете?

Теплицкая. Не знаю и не хочу знать!

Резко поворачивается и уходит в зрительный зал.

Кибрик. Степа, ты растоптал Душу артистки.

Скворешников (*испуганно*). Что ты говоришь? Неужели растоптал?

Кибрик. Конечно, растоптал.

Скворешников. Ай-ай-ай, как нехорошо получилось!

Фойе. С высоко поднятой головой, размахивая сумочкой, бежит Теплицкая. Навстречу ей идет Мухин. Он вежливо снимает шляпу. Она еще выше задирает голову и проходит, не глядя на него.

Снова на репетиции. Режиссер показывает Симе мизансцену.

Режиссер. Попробуем так. Вы начинаете арию, глядя в окно. Видите стул? В данном случае стул — это окно. А в конце, на словах «он ушел», вы поворачиваетесь прямо на публику и выходите на авансцену. Значит, начали!

Пианист играет вступление.

Фойе. Мухин, держа шляпу в руке, с недоумением смотрит вслед Теплицкой. Потом пожимает плечами и входит в зрительный зал.

Далеко на сцене, стоя так, что лица ее не видно, поет Сима.

Мухин ощупью, на цыпочках движется по проходу. Когда он доходит до шестого ряда, его хватает за руку Скворешников и усаживает рядом с собой.

Скворешников. Ну?

Мухин. Тсс! Тише... Очень хорошо. Где вы ее раздобыли? Кто такая?

Скворешник св. Тсс. Потом, потом.

Оба с наслаждением слушают.

Сима поет с блеском, свободно и точно. Конечно, в этом театре такого пения никогда не слышали.

Актеры и рабочие сцены восхищенно слушают.

Подойдя к концу арии, Сима, как учил ее режиссер, поворачивается лицом к залу и идет на авансцену.

Мухин внезапно хватается за руку Степана Степановича и сжимает ее. Он узнал Симу.

На сцене. Сима кончает арию.

Режиссер. Что ж, дело идет, Серафима Антоновна! Сейчас вы свободны. Завтра приходите в десять. Только у нас знаете как?! Опоздал на двадцать минут... и конец! Это вам не консерватория. (Кричит куда-то в сторону.) Балет, на сцену!

В партере.

Скворешников (наклоняется к Мухину). Пойдемте, пойдемте, я вас с ней познакомлю.

Мухин (испуганно). Что вы, Степан Степанович!

Скворешников. Да идите же! (Тянет его за собой.)

Мухин (*вырывается*). Пустите! Зачем это? Не надо.

Скворешников. Вам не понравилось?

Мухин. Нет, очень понравилось. Но как-то сразу... Не нужно, я вас очень прошу!

Скворешников. Да ну вас! (Идет на сцену.)

На сцене. Сима направляется к мостикам, ведущим в партер. Вокруг — предрепетиционная суета: становятся на свои места танцовщицы и танцоры, рабочие несут стулья и куски декораций.

В кадре появляется Скворешников.

Скворешников. Устали, голубушка? Трудно у нас? Пойдемте, пойдемте, я вас познакомлю с автором.

Сима. Он здесь?

Скворешников. Здесь, здесь. В восторге от вашего голоса.

Сима. Правда? Где он?

Скворешников. Да вон, в партере.

Сима, щурясь, смотрит в темный зал.

Партер. В полутьме, съездившись, сидит Мухин.

Подходят Скворешников и Сима.

Скворешников. Познакомьтесь. Алексей Петрович Мухин, некоторым образом автор. Серафима Антоновна Воронова.

Мухин вскакивает. Сима протягивает ему руку — и вдруг узнает его.

Теперь в кадре — лица Симы и Мухина, снятые крупно.

Мухин (глотая *слюну*). Как ваше здоровье?

Сима, (тоже очень взволнованная, но не *потерявшая самообладания*). Спасибо. Я здорова.

Мухин. Я вас как-то не узнал, когда вы были на сцене. А... А потом вы повернулись, и я как-то сразу узнал.

Сима. Да?

Мухин. Да.

Сима. Ну конечно, здесь так темно.

Мухин. Нет, ведь вы были на сцене. А там светло.

Сима. Да. Верно. Я как-то сразу не сообразила.

Скворешников слушает этот разговор с крайним удивлением.

Мухин (горячо). Знаете, мне очень нравится в театре, когда идет репетиция. Пустой темный зал. Люди на сцене, в пиджаках. Обрывки музыки...

Сима (тоже горячо). Да, мне тоже очень нравится. Даже больше, чем во время спектакля. Когда зал пустой и темный — это так торжественно. Знаете, как в соборе. А как страшно, когда стоишь на сцене и смотришь в зрительный зал!.. Ужас!..

Мухин. Или когда сидишь и слушаешь свою музыку. Простите, я вас кажется перебил?

Сима. Нет, нет, что вы. Это очень интересно.

Мухин. Когда сидишь и слушаешь свою музыку, она звучит как чужая. Сидишь и думаешь...

Сима и Мухин, не сговариваясь, повинувшись какой-то непреодолимой силе, вдруг поворачиваются спиной к Скворешникову и идут к выходу. Начавшаяся музыка балета заглушает их голоса.

Скворешников глядит им вслед в полном недоумении.

Скворешников. Алексей Петрович! Серафима Антоновна!

Они не слышат. Они, собственно говоря, ничего сейчас не слышат. Идут к выходу из зала, оживленно жестикулируют, заглядывают друг другу в глаза, останавливаются на секунду, потом снова двигаются дальше.

Скворешников сокрушенно глядит им вслед.

Сима и Мухин — у выхода из зала. Он пропускает ее вперед.

Над их головами, над самой дверью, в центре гипсового, вызолоченного орнамента, толстенький амур натягивает гипсовую тетиву.

В темноте — звонок.

Передняя в квартире Вороновых.

Звонит звонок над входной дверью.

Вбегает Сима в фартучке. На ходу снимает его и поправляет волосы перед зеркалом. Она в светлом нарядном платье. Открывает входную дверь.

За дверью стоит совершенно мокрый Мухин. Со шляпы у него течет. Воротник пальто поднят.

Сима. Боже! Алексей Петрович! Неужели такой дождь?

Мухин (входя в переднюю и отряхивая мокрую шляпу). Симочка, сколько раз вы обещали называть меня просто по имени.

Сима (хлопоча вокруг него). Раздевайтесь скорее, несчастный вы человек!

Мухин (вешает пальто и снимает калоши). Я не рано?

Сима. Нет, это очень хорошо. Я вас познакомлю с нашими. Только помните, папа до сих пор не знает, что я служу в театре.

Мухин. Но ведь рано или поздно...

Сима. Лучше пускай поздно. Мне страшно думать о том, что будет, когда папа узнает.

Мухин (достаёт из кармана пальто коробку конфет). Я еще не поздравил вас с днем рождения. Вы сегодня такая...

Сима. Ладно, идемте в комнату. (Берет Мухина под руку и ведет.)

Мухин (останавливаясь у самой двери). Симочка, я давно хотел у вас спросить. Ну, тогда... Когда я, помните, стоял здесь под окнами... Они меня видели?

Сима. А как вы думаете? Каждое утро мой братик Витя кричал на всю квартиру: «Сима, этот опять пришел!»

Мухин (упирается). Я не пойду.

Сима. Они хорошие. Ничего вам не будет, Алеша!

Столовая. Антон Иванович расставляет пюпитры возле рояля. Наталия Михайловна хлопочет вокруг парадно накрытого стола. Ей помогает Витя. Он несет блюдо с заливной рыбой.

Входят Сима и Мухин.

Сима. Вот. Тот самый Алексей Петрович Мухин.

Антон Иванович. А-а-а, таинственный незнакомец! Ну-ка, ну-ка.

Наталия Михайловна (протягивает Мухину руку). Вы мне казались более полным. И как будто ниже ростом.

Витя. Мама, это потому, что мы смотрели на него с третьего этажа.

Наталия Михайловна. Витя!

Мухин. Я, кажется, рано пришел.

Комната Керосинова. Он лежит в ботинках на кровати и читает растрепанную толстую книгу. Слышен стук в дверь. Керосинов вскакивает, подбегает на цыпочках к столу и сует книгу под ворох бумаг.

Крупно: обложка книги «Приключения Рокамболя».

Керосинов (*садится за стол, придвигает к себе нотную бумагу, выводит на ней скрипичный ключ и, приняв томное выражение, кричит*). Войдите!

Входит Дина.

Дина. Простите, я помешала. Вы пишете?

Керосинов (*мрачно*). Я всегда пишу. Сейчас набрасываю тему третьего пароксизма.

Дина (*робко подходит к столу*). Я давно хотела у вас спросить... Почему вы называете части своей симфонии пароксизмами? Физиологическая симфония в четырех пароксизмах. Я не понимаю. Почему не назвать просто — часть первая, часть вторая...

Керосинов. Чтобы понять — надо услышать. И не один раз, а тридцать.

Дина. Ах, как мне хотелось бы послушать!

Керосинов (*мрачно*). Что ж, года через два, я, может быть, сыграю вам первый вариант.

Дина. Керосинов, вы необыкновенный человек!

Керосинов (*скромно*). Я занимаюсь искусством, Дина. Я подвижник искусства. Не больше. Что в этом необыкновенного? (*Широким жестом указывает на груды нотной бумаги, громоздящейся на столе и на полу.*) Конечно, я мог бы писать по заказу, я мог бы быть богатым или, как это там называется, знаменитым!.. (*Горько смеется.*) А сейчас я всем в тягость, всем чужой, никому не известный маленький человечек.

Дина (*укоризненно*). Разве вам плохо у нас?

Керосинов. Да, мне плохо у вас.

Дина, (*чуть не со слезами*). Но почему, почему?

Керосинов. Я ем чужой хлеб. Вы не знаете, как горек чужой хлеб для артиста! Да, Диночка, мне остается только одно — уйти.

Дина, Вы не чужой, Керосинов! Вы не чужой. Мы любим вас как родного. Вы же знаете, как папа вас любит. Когда вы в последний раз хотели уйти, он чуть на заболел!

Керосинов, Хм, папа! Антон Иванович любит меня, как без-

домного шелудивого пса. Что ж, спасибо и за это. Но вот ваша сестричка Сима!.. Вы думаете, я не знаю, что она зовет меня Керосин Серафимов и называет мою симфонию зоологической.

Дина. Керосинов! Ну подумайте, что вы говорите! Сима — легкомысленная девочка. И потом, она просто шутит.

Керосинов. Что ж, шутите! Смейтесь над Керосиновым! Топчите его ногами! Вы можете себе это позволить с человеком, который обязан вам быть благодарным! И в силу этой благодарности должен быть бессловесным!

Дина. Ну, хорошо, не будем, не будем об этом говорить. Идемте скорее. Там уже, наверное, все собрались.

Керосинов. Опять концертик? Опять эти Глюки, Бахи, вся эта закоснелая, отжившая дребедень!

Дина. Тише! Ради бога! Если бы папа услышал, как вы говорите о Бахе, он умер бы от огорчения.

Керосинов. Не беспокойтесь, ему я этого не скажу.

Дина. Ну, хорошо. Вы не любите классиков. Но ведь вы не любите и новых композиторов.

Керосинов. Музыку надо изобретать, а не сочинять. А этого никто никогда не умел.

Дина. Ну, а вы? Разве вы не изобретаете?

Керосинов. Не будем говорить о Керосинове! Стоит ли говорить о человеке, у которого нет трех рублей на покупку папирос.

Дина. Керосинов, как вам не стыдно! Почему вы не сказали мне, что у вас опять нет денег? Вот. Возьмите. Здесь тридцать рублей.

Керосинов (горько). Тридцать рублей! Низко ты пал, Керосинов!

Дина (суетливо). Возьмите пятьдесят. Возьмите, возьмите, не стесняйтесь, я сегодня получила за урок.

Керосинов (небрежно). Мерси. (Прячет деньги в карман.)

Столовая. Здесь теперь кроме Антона Ивановича, Наталии Михайловны, Симы, Вити и Мухина двое из тех старичков, которых мы видели на концерте, и несколько подруг Симы.

Старички сидят за пюпитрами. Один свинчивает кларнет, другой возится с фаготом. Антон Иванович листает ноты, сидя за фисгармонией. Наталия Михайловна настраивает арфу.

Входят Дина и Керосинов.

Антон Иванович. Дина! Витя! Не заставляйте себя ждать!

Дина и Витя берут свои инструменты.

Слушатели рассаживаются. Наступает тишина.

Антон Иванович. Сегодня мы сыграем крайне редко исполняемое замечательное произведение Гайдна — секстет, опус семьдесят четвертый.

Дина (обращаясь к гостям). В папином переложении для нашего оркестра.

Антон Иванович. Да, я позволил себе эту вольность. Впрочем, это несущественно. (Подымает палец и быстро опускает его.)

Начинается музыка. Исполняется коротенькая часть из гайдновского секстета.

По мере приближения к концу лицо Антона Ивановича мрачнеет.

Неожиданно он прерывает играющих.

Антон Иванович. Нет, так дальше играть нельзя. Витя опять не выучил своей партии!

Витя. Папа, я учил.

Антон Иванович. Если бы ты учил, то взял бы только что не си-бемоль, а чистое си. Там бекар. Если ты хочешь быть настоящим музыкантом, ты должен учиться, а не спорить. Теперь мы из-за тебя не сможем сыграть до конца. Давайте лучше послушаем Симу. Спой нам, Симочка, арию Эвридики из глюковского «Орфея».

Сима. Что ж, садись за рояль. Где ноты?

Антон Иванович переходит к роялю и начинает рыться в нотах.

Антон Иванович. Ничего не понимаю. Еще вчера я их видел на этом месте. Как сквозь землю провалились. Ничего у нас сегодня не ладится.

Сима. А ты сыграй наизусть.

Антон Иванович (смущенно). Не возьмусь, не возьмусь. Тут важна каждая нотка. Ах, какая жалость! Любимая моя вещь. Может быть, вы возьметесь, Керосинов?

Керосинов. Вы знаете, Антон Иванович, я обожаю Глюка. Н-но... моя голова сейчас занята другим.

Антон Иванович (похлопывая Керосинова по плечу). Все симфония! (Обращаясь к присутствующим.) Он у нас труженик!

Мухин (Симе). Если позволите, Серафима Антоновна, я бы попробовал.

Антон Иванович. Вы хорошо знаете Глюка?

Мухин. Я бы этого не сказал, но я его очень люблю. (Садится за рояль, пробегает пальцами по клавиатуре, потом, сосредоточившись, начинает аккомпанемент.)

Сима поет.

На лице Антона Ивановича написано блаженство. Он переглядывается со старичками, кивая в такт головой.

Все внимательно слушают, кроме Керосинова, который искоса поглядывает на графинчик с водкой, окруженный тарелками с закуской.

Ария окончена. Аплодисменты.

Антон Иванович. Среди нас, как говорится, присутствует... Одним словом, попросим нашего Керосинова сыграть что-нибудь из его симфонии.

Керосинов (*мрачно*). Легко сказать — «что-нибудь из симфонии!» Бессонные ночи, одинокие слезы, незавершенные мысли... Нет, это нельзя выносить на суд публики прежде времени.

Антон Иванович. Но в кругу друзей, которые ждут с таким нетерпением...

Дина. Керосинов, ну пожалуйста, ну, умоляю вас — сыграйте хоть один пароксизм!

Мухин (наклонясь к *Симе*). Почему «пароксизм»? Что это значит?

Сима (тоже шепотом). Не спрашивайте. Это трагедия нашей семьи.

Дина. Керосинов! Сыграйте! Ну сыграйте.

Керосинов. Не просите меня. Это нечутко.

Сима (звонко). Почему «нечутко»? Вы же сами на днях за обедом говорили, что ваша симфония почти закончена. Я очень хорошо помню. Вы сказали, что первый пароксизм у вас называется «судороги», второй — «конвульсии»...

Дина. Перестань сейчас же!

Сима. Третий — «спазмы» или что-то в этом роде, а четвертый, кажется, «колики»...

Дина. Не «колики», а «стоны».

Сима. Все равно. Пускай он сыграет хоть одну страничку.

Керосинов (поднимаясь с места). Надо мной издеваются? Я понимаю, что означают эти намеки — «сказал за обедом»! Меня попрекают здесь куском хлеба!

Антон Иванович. Успокойтесь, голубчик. Как вам это могло прийти в голову? Вы ее не поняли.

Керосинов. Я все понял. И я уйду из этого дома. Дождь мне не помешает. Переночую где-нибудь под мостом.

Все обступают Керосинова. Говорят вместе.

Антон Иванович. Вы этого не сделаете!

Наталья Михайловна. Как это можно? Ночью! В дождь!

Дина. Папа, она должна извиниться перед Керосиновым!

Антон Иванович. Симочка, я очень тебя прошу. Извинись перед ним. Ты была несправедлива.

Мухин (шепотом). Извинитесь, Симочка, он, по-моему, не совсем нормальный человек. Таких надо жалеть.

Сима (тоже шепотом). Вы его не знаете. Он нормальнее, чем мы с вами. Впрочем... (Громко). Керосинов, я больше не буду.

Керосинов (с *видимым удовольствием*). Хорошо. Я принимаю ваши извинения. Я остаюсь.

Неловкое молчание.

Антон Иванович (*пытаясь поднять настроение*). Ну, давайте продолжать наш концерт. (Обращаясь к *Мухину*.) Ведь вы, кажется, тоже композитор?

Мухин. Да, я композитор.

Антон Иванович. Может быть, вы сыграете?

Мухин. Если это может доставить удовольствие...

Все. Просим! Просим!

Мухин (*садится за рояль*). Я вам сыграю из моей последней музыкальной комедии. Из третьего акта. У меня там есть вальс-бостон.

Антон Иванович (*подскакивает в кресле*). Как вы сказали?

Мухин. Вальс-бостон. Медленный вальс.

Антон Иванович вздрагивает и поднимает плечи.

Мухин, не замечая этого, играет нечто до последней степени синкопическое. Мелодия так проста и в то же время властно берет за душу, что сразу же покоряет слушателей.

Один из старичков, может быть, сам не сознавая, что он делает, начинает подыгрывать Мухину на своем кларнете.

Дурной пример оказывается заразительным — другой старичок тянется за фаготом. Витя понемногу подбирает мелодию на скрипке, и даже Сима, вначале боязливо поглядывая на отца, принимается подпевать с закрытым ртом.

Лицо Антона Ивановича мрачнеет все больше. Он обводит взглядом свое музыкальное воинство, которое, по его мнению, явно переходит на сторону врага, и наконец встречается с сочувственным взглядом Керосинова.

Керосинов пожимает плечами и закатывает глаза с видом крайнего возмущения.

Наталья Михайловна с тревогой следит за происходящим.

Мухин, улыбаясь, переглядывается с Симой. Он взглядом приглашает ее быть смелее.

Сима, продолжая петь с закрытым ртом и тоже улыбаясь, отрицательно качает головой. Потом — ах, была не была! — подходит к роялю, становится лицом к собравшимся и начинает петь полным голосом. Как говорится в английской поговорке, «чепец заброшен на мельницу».

Пение окончено. Гости дружно аплодируют, но под леденящим взглядом Антона Ивановича конфузятся и замолкают. Ужасная пауза.

Антон Иванович с каменным лицом, молча, ни на кого не глядя, проходит через всю комнату и, с грохотом захлопнув за собой дверь, исчезает в своем кабинете.

Расстроенные Наталья Михайловна и Сима бегут за ним. В кабинете.

Антон Иванович неподвижно сидит в кресле.

Входят Наталья Михайловна и Сима. Наталья Михайловна сразу направляется к шкафчику, достает пузырек с лекарством и какает в стакан.

Сима. Что с тобой, папа?

Антон Иванович молчит.

Наталья Михайловна. Выпей.

Антон Иванович пьет лекарство. Пауза.

Сима. Папочка, объясни мне наконец...

Антон Иванович. Я хочу, чтобы этот человек ушел из моего дома.

Наталья Михайловна. Антоша, подумай, что подумают!?

Антон Иванович. Я хочу, чтобы этот человек ушел из моего дома!

Столовая. Опечаленные гости теснятся возле рояля, за которым все еще сидит Мухин. В комнате шумно.

Керосинов (нагло развалившись в кресле). Да, да, да, слышали! Все эти Шопены, Чайковские, Григи, с их вальсиками, мазурочками и полечками, все эти березки, переделанные в симфонии, вся эта музыкальная карамель должна быть выметена поганой метлой!

Мухин. Видите ли, когда вы ругали меня, я молчал. Но если, как вы изволили выразиться, вымести Шопена, Чайковского и Грига, — что же останется? Ведь вы, я слышал, свою физиологическую симфонию еще не закончили!

Керосинов. Останется Бах! И частично — Гайдн!

Мухин. А Вагнер?

Керосинов. На помойку!

Мухин. А Глинка?

Керосинов. Туда же!

Мухин. А Шуберт? А Россини? А Берлиоз? А Бородин?

Керосинов. Всех — на помойку!

Мухин. Ну, а это? [*Раздраженно поворачивается к роялю, играет музыкальную фразу.*]

Керосинов. Галиматья! На помойку!

Мухин. Так вот, к вашему сведению, это был Бах. А вы болтун и невежда!

Мухин поднимается и ищет глазами хозяев, чтобы проститься. На Керосинова он уже больше не смотрит.

Керосинов. Проходимец! Гнать таких надо!

В этот момент в комнате появляется Сима. Теперь здесь полное смятение. Симины подружки, испуганно щебеча, надевают шляпки и ботики.

Один из старичков (горестно *взирая на* нетронутые запуски и бутылки). Молодые люди! Молодые люди! Нехорошо! Вот и расстроили торжество! Ай-яй-яй-яй!

Мухин идет навстречу Симе и крепко жмет ей руку.

Мухин. Не огорчайтесь, Симочка. Все уляжется, все будет хорошо. (*Идет к выходу.*)

Сима идет за ним. В тот момент, когда Мухин уже вышел в перед-

нюю, а Сима поравнялась с развалившимся в кресле Керосиновым, он удерживает ее за руку.

Керосинов. Откуда вы выкопали этого типа?

Сима. Я запрещаю вам говорить так о моих друзьях! Слышите!

Керосинов. Месяц постоял под окнами — и уже друзья?

Быстро, быстро!

Сима поворачивается и дает Керосинову звонкую пощечину.

Гости дружно кидаются к выходу.

Входит Наталия Михайловна.

Наталия Михайловна (с гостеприимной улыбкой). Куда же вы? Посидели бы еще!

Кулисы Театра музыкальной комедии. День премьеры.

На сцене устанавливают декорации, что-то прибавляют, несут мебель. Опускается большой, пестро расписанный задник. Из оркестра доносятся звуки настраиваемых инструментов.

Кабинет Скворешникова. Он сидит в кресле. По кабинету мечется Мухин. Пьет воду.

Мухин. Я вас очень прошу, Степан Степанович, — придут ее мать, сестра и брат...

Скворешников. Я уже распорядился. Их посадят в директорскую ложу. Да вы не волнуйтесь, Алексей Петрович. Я вам ручаюсь за успех.

Мухин. Откуда вы взяли, что я волнуюсь? (Пытается *налить воды из графина в стакан.*) Почему у вас в кабинете никогда нет воды?

Скворешников. Потому что вы за последние полчаса выпили уже два графина! (Бурно хохочет, *причесывается.*)

Уборная Кибрика. Он сидит перед зеркалом, в costume старого морского волка. Парикмахер, пожилой мужчина, наклеивает ему усы неслыханной длины и пышности.

Кибрик. *Длиннее* нет, Васенька?

Парикмахер. Куда же длиннее, Яков Григорьевич?

Кибрик. Ну, ладно, сойдет.

Парикмахер выходит, сталкиваясь в дверях с Теплицкой-Холодовой.

Теплицкая (мужу). Так вот. Ты пойдешь сейчас в оркестр и скажешь Самуилу Марковичу, что тебя просила эта ваша, как ее, Симочка передать ему, Самуилу Марковичу, чтобы он транспонировал ей конец арии во втором акте на три тона.

Кибрик. Ниже?

Теплицкая. Выше.

Кибрик (*вскакивает*). Выше? Она просила? На три тона выше?

Теплицкая. Идиот! Это я тебе говорю, что она просила.

Кибрик. А она?

Теплицкая. Идиот! Она ничего не знает.

Кибрик (*всплескивая руками*). Ядя, будет скандал. Она сорвется.

Теплицкая. Наконец понял!

Кибрик. Я не пойду.

Теплицкая. Что? Что ты сказал?! Ты не пойдешь?! (Отрывает *ему один ус*.) Если ты сейчас же не сделаешь то, что я тебе сказала, можешь сегодня домой не приходить.

Кибрик (*закрывает рукой второй ус*). Ядя! Что скажет общественность? Она же нас заклеит!

Теплицкая. Ах, тебе общественность дороже жены?

Кибрик. Хорошо, Ядя, я иду. Только не кричи на меня.

Пятась, выходит в коридор. Здесь он принимает достойный вид и, раскланиваясь со встречными хористами и статистами, идет в оркестр. Спускается по лестнице. Звуки настраиваемых инструментов становятся все слышнее.

Кибрик входит в небольшую комнату рядом с оркестром. Отсюда видны оркестранты и одна ложа бенуара.

За столом — дирижер, во фраке и белом галстуке, перелистывает партитуру, делая в ней какие-то пометки карандашом.

Кибрик. Здравствуй, Самуил, здравствуй, голубчик. Что это ты сегодня такой бледный?

Дирижер. Зарепетировался. Последнюю неделю гнал по две оркестровые репетиции в день.

Кибрик. Да! Совсем забыл! Тут Воронова, Серафима Антоновна, просила тебе передать, чтобы ты транспонировал ей конец арии во втором акте на три тона.

Дирижер. Ниже?

Кибрик. Выше.

Дирижер (*подскакивает на стуле*). Выше? Но ведь это же будет си-бемоль!

Кибрик. Ну, я уж не знаю. Мое дело передать... (Хочет *уйти*.)

Дирижер (*подозрительно*). А почему у тебя ус оторван? Ой, Яша! И глаза бегают.

Кибрик. Оторван? Что ты говоришь? Побегу приклею. (Убегает.)

Дирижер некоторое время смотрит ему вслед, потом хватает партитуру и устремляется к выходу.

Кабинет Скворешникова. Слышен звонок.

Мухин (*встревоженно*). Это какой звонок? Третий? (Пьет воду.)

Скворешников. Первый, первый, успокойтесь.

Входит дирижер.

Дирижер. Алексей Петрович, Серафима Антоновна просила транспонировать ей конец второго акта на три тона.

Мухин (*удивленно*). Ниже?

Дирижер. В том-то и дело, что выше!

Мухин (опускаясь на диван). Но ведь это же си-бемоль?

Скворешников. Ничего себе дебютантка! А кто ее нашел?

Я! (Причесывается.)

Мухин. Ну, раз она просит...

Дирижер раскрывает партитуру, и они поправляют в ней что-то карандашом.

Крупно: карандаш вычеркивает, а потом вписывает в партитуру несколько нот.

Столовая в квартире Вороновых. Антон Иванович, в кресле, читает газету.

Входит Наталия Михайловна, в шляпе и в том самом парадном платье, в котором мы видели ее на концерте в начале картины.

Антон Иванович (смотрит на нее поверх очков). Ты куда собралась?

Наталия Михайловна (смущенно). У Лихачевых заболел мальчик, и Настасья Андреевна просила меня зайти. К ужину я вернусь. Ты не беспокойся.

Целует Антона Ивановича в лоб, поправляет на столе скатерть и, оглядываясь на мужа, уходит.

Входит Витя. Он в новом костюмчике и шелковом пионерском галстуке.

Витя. Папа, у нас сегодня костер... Я приду к ужину.

Антон Иванович. Мама знает?

Витя. Знает.

Антон Иванович. Ну, иди.

Витя поспешно шмыгает в переднюю.

Дина, в шляпе и жакетке, входит в комнату Керосинова. Он по обыкновению лежит. При входе Дины прячет под подушку книгу.

Дина. Керосинов, закройте за мной выходную дверь. Я хочу уйти так, чтобы папа не слышал.

Керосинов. По какому поводу такие мадридские тайны?

Дина. Дайте честное слово, что вы не скажете папе.

Керосинов. Слово Керосинова не может быть нечестным!

Дина (ломая руки). Керосинов! Сима сегодня дебютирует в оперетте!

Керосинов (радостно). В оперетте? Докатилась ваша Симочка! Я говорил, я говорил!

Дина. Я очень боюсь за папу. Тише. Проводите меня.

Дина и Керосинов на цыпочках идут по коридору.

В оркестре театра. Концертмейстер со скрипкой под мышкой ходит от пюпитра к пюпитру, внося в ноты поправки.

Теплицкая-Холодова смотрит на это из ложи над оркестром. Она довольна.

В ложу напротив входит семейство Вороновых. Мухин усаживает их у барьера. Сам садится сзади.

Дирижер появляется за своим пультом. Начинается увертюра.

Столовая в квартире Вороновых. Антон Иванович дремлет с газетой в руках. Потом открывает глаза.

Антон Иванович (*кричит*). Дина! (*Молчание.*) Дина! (*Молчание.*)

Входит Керосинов.

Керосинов. Дина ушла.

Антон Иванович. Как, и Дина ушла?

Керосинов (*значительно*). Да. И Дина.

Антон Иванович. Что это вы так странно на меня смотрите?

Керосинов. Нисколько не странно. Просто я удивляюсь, как вы не видите, что творится у вас под самым носом.

Антон Иванович. Не понимаю, о чем вы говорите? Что-нибудь случилось с Диной?

Керосинов. С Диной? С Диной ничего не может случиться. Вот ваша младшая дочь...

Антон Иванович. Голубчик, не сердитесь на нее. Вы погорчили, она погорячилась. Стоит ли вспоминать?

Керосинов (*горько*). Я слишком горд, чтобы обращать внимание на пощечины! Но я не могу спокойно смотреть, как обманывают вас — человека, которому я всем обязан.

Антон Иванович (*встревоженно*). В чем дело? Говорите!

Керосинов. Что там говорить, все равно ничего не изменишь. Давайте лучше выпьем чайку, сыграем в шахматы.

Антон Иванович (*вскакивает с кресла и хватает Керосинова за отворот пиджака*). Вы скажете наконец?

Керосинов. Да что там говорить! Просто ваша дочь, носящая знаменитое имя Воронова, дочь единственного в стране исполнителя серьезной музыки, выступает в эту минуту... Ну, где бы вы думали?

Антон Иванович (*с ужасом*). В опере?!

Керосинов. В оперетке!

Антон Иванович (*хрипло*). Вы лжете!

Керосинов. Керосинов никогда не лжет. Идемте! (*Ведет Антона Ивановича.*)

За кулисами театра. Идет второй акт. Слышны пение и музыка. В кулисах стоит Сима. К ней подходит Мухин.

Мухин. Страшно?

Сима. Теперь уже не так. В первом акте я пела как под водой: ничего не понимала, ничего не видела. А вам страшно?

Мухин. Очень. И чем дальше, тем страшнее.

Сима. А у меня сейчас главная ария, и я ничего.

Мухин. Да, Симочка, я сделал то, что вы просили.

Сима. Что я просила? Не понимаю.

Мухин. Транспонировал конец арии.

Сима. Я ничего не понимаю. Тут какая-то ошибка.

Мухин (ужасно испуган). Боже мой!

Подбегает помощник режиссера.

Помреж. Серафима Антоновна, ваш выход.

Сима (*идя на сцену, оборачивается*). Скорее! Как вы там справили?

Мухин. Конец арии. На три тона вверх. Там теперь си-бемоль.

Он хочет еще что-то добавить, но Сима уже на сцене. Мухин бросается к выходу в коридор.

Директорская ложа. Впереди — Наталия Михайловна, Дина и Витя. За ними — сияющий Скврсешников. Дверь в ложу открывает-ся, Мухин за рукав вытаскивает директора в коридор.

Коридор. Мухин что-то горячо говорит директору. Музыка заглушает его слова. Оба как сумасшедшие бегут вниз по лестнице.

Мухин и Скворешников появляются у двери, ведущий в оркестр. Скворешников становится на четвереньки и ползет между оркестрантами к дирижерскому пульта.

Дирижер смотрит на него с ужасом.

Скворешников протягивает ему записку.

Продолжая дирижировать, Самуил Маркович читает ее.

Крупно корявыми буквами выведено: «Не надо три тона выше. Оставьте, как было».

Дирижер перекладывает палочку из одной руки в другую и, вынув из бокового кармана карандаш, пишет ответ и передает записку Скворешникову.

Скворешников ползет обратно с запиской в зубах.

Скворешников и Мухин читают записку.

Крупно на той же бумажке ответ дирижера: «Поздно!»

Скворешников и Мухин в ужасе глядят друг на друга.

Улица. Антон Иванович, без пальто и шляпы, бежит по тротуару. Керосинов догоняет его с шляпой, пальто и зонтиком. Одевает Антона Ивановича.

Антон Иванович устремляется *дальше*, размахивая зонтиком. Керосинов остается на тротуаре и смотрит ему вслед с сатанинской улыбкой.

Сцена театра, снятая из директорской ложи, где сидят Наталия Михайловна, Дина и Витя.

Сима начинает арию, как показывал ей режиссер на репетиции, глядя в окно. Только теперь она смотрит в «настоящее» роскошное окно, за которым виден пышный пейзаж.

Зрительный зал, снятый из той же ложи. Он полон. Люди, освещенные отблеском рампы, внимательно слушают.

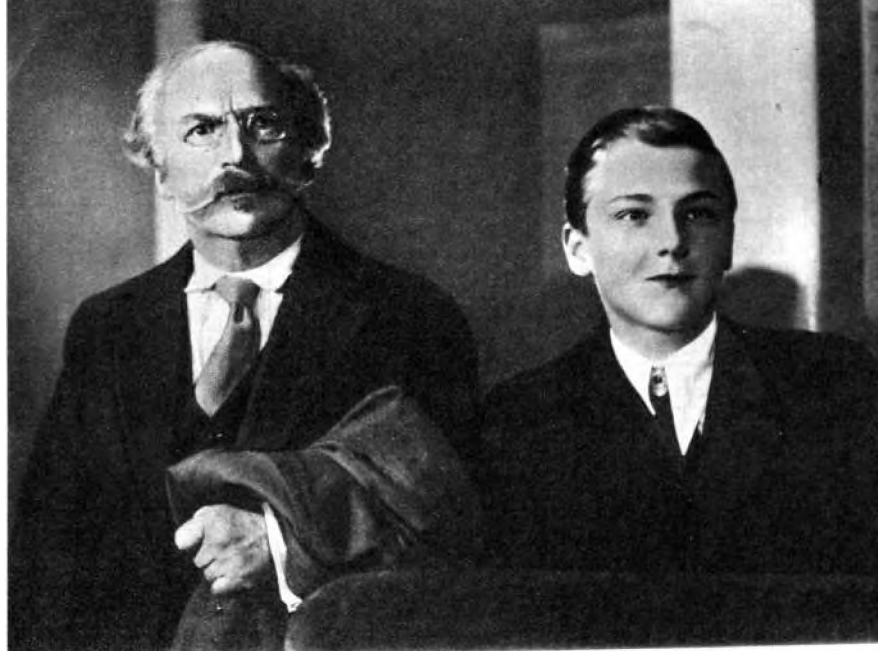
Теплицкая-Холодова, не сводя глаз со сцены, приподнимается в кресле.

Кибрик стоит в кулисах, прислонившись к кирпичной стене, на которой укреплен большой термометр, с волнением ждет конца арии.

Дирижер за своим пультом. Его самочувствие сейчас похоже на то, какое должен испытывать машинист на несущемся паровозе с испорченными тормозами.

В глубине оркестра притаились насмерть перепуганные Мухин и Скворешников. В руке Скворешникова зажат гребешок. Мухин зажмурил глаза.

В фойе театра. Сюда доносится пение. Мимо оторопевших капельдинеров, в шляпе и пальто, с зонтиком в руках, медленно про-

ходит Антон Иванович. Он идет с высоко поднятой головой. Капельдинеры расступаются перед ним.

Антон Иванович открывает боковую дверь в зал. На сцене — Сима. Она поворачивается к зрителям и идет на авансцену. Теперь голос ее наполняет весь зал. Критический момент приближается.

Антон Иванович стоит, расставив ноги, с зонтиком за спиной, в боковом проходе, у самой директорской ложи, почти касаясь плечом Вити, который высунулся, чтобы лучше видеть.

Наступает решительный момент. В оркестре последние аккорды перед каденцией. Сима с легкостью поет сложную фиоритуру. Новые аккорды, на этот раз на три тона выше. Фиоритура повторяется в новой тональности. Голос Симы поднимается все выше.

Кибрик на прежнем месте — в кулисах. Плечом он прислонился к термометру. По мере того как голос Симы поднимается вверх, столбик ртути в термометре (это надо показать крупно) тоже лезет вверх.

Теплицкая-Холодова в ложе. С каждой новой нотой ее глаза все больше круглеют.

Дирижер роняет палочку и хватается за голову.

Оркестранты, привстав за своими пюпитрами, смотрят на сцену.

Скворешников и Мухин, обнявшись, как две сиротки, в оцепенении смотрят на сцену.

Крупно: рука Скворешникова сжимает гребешок.

Сима берет си-бемоль. Она улыбается. Сверкающая, чистая нота стремительно летит в зал.

Рука Скворешникова ломает любимый гребешок.

Мухин прижимает к груди другую руку Скворешникова.

Кибрик вытягивается у своей стены. Термометр падает на пол.

Антон Иванович стоит с каменным, ничего не выражающим лицом.

Крупно: Сима продолжает держать ноту.

Дирижер взмахивает рукой. Но звуки оркестра покрываются аплодисментами.

Аплодирует зал.

Аплодируют музыканты, стуча смычками по своим инструментам.

Аплодирует пожарный за сценой.

Мухин и Скворешников целуются.

Скворешников хочет причесаться, но в руке у него крошечный кусочек гребешка. Директор смотрит на него с бессмысленным, счастливым лицом.

Теплицкая-Холодова бурно аплодирует в своей ложе. На лице у нее страдание.

Т е п л и ц к а я (снимает перчатки и аплодирует еще яростнее).
Ах, дрянь! Ах, какая дрянь!

Сима неумело раскланивается.

Аплодируют счастливые Наталия Михайловна, Дина и Витя.

Внезапно Витя поворачивается — и видит отца. Он толкает локтем мать.

Наталия Михайловна и Дина тоже замечают Антона Ивановича.

Он смотрит на них в упор. Потом резко поворачивается и выходит из зала.

Сима, счастливая, с капельками пота на лбу, идет за кулисы.

К и б р и к (*раскрывая объятия*). Иди, я тебя поцелую! Ты даже сама не знаешь, как ты поешь! (*С видимым удовольствием целует Симу.*)

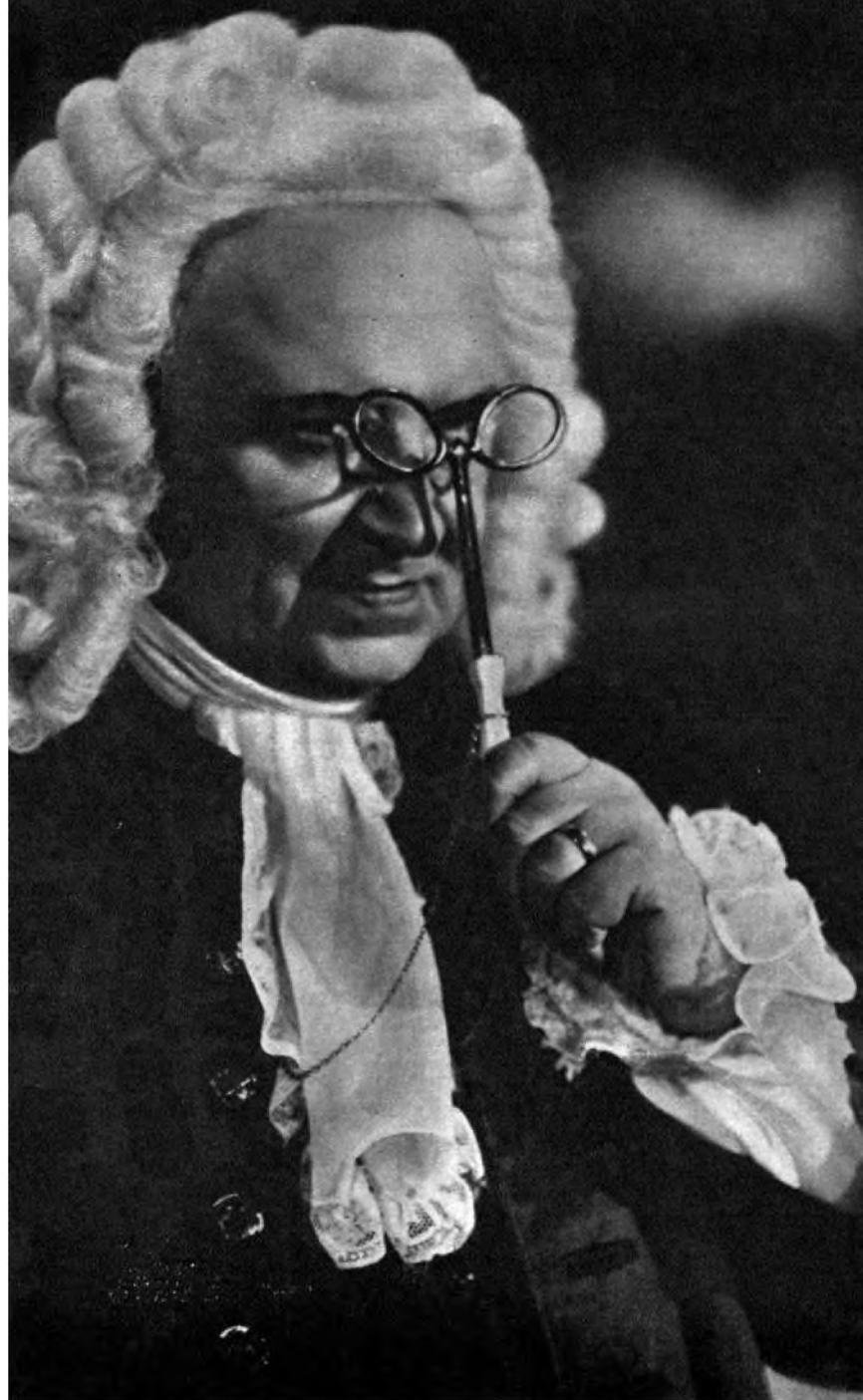
За кулисы врываются Скворешников и Мухин.

М у х и н (*Скворешникову*). Ах, если б я мог быть таким нахалом, как этот Кибрик!

Капельдинеры вносят корзины с цветами.

Улица. По мостовой быстро идет Антон Иванович.

Крупно: лицо у него по-прежнему каменное. Оно ничего не выражает. Внезапно Антон Иванович начинает напевать мелодию, которую только что слышал. Громко отплевывается. Убыстряет шага. Но мелодия его преследует. Он снова против воли напевает ее. Опять отплевывается. Оглядывается по сторонам, сжимая кулаки.

Из открытого окна несется та же мелодия. Кто-то наигрывает ее на рояле. Антон Иванович ускоряет шаги, как бы желая скрыться от музыки. Он почти бежит. Но звуки настигают его всюду.

У ворот сидит парочка. Он напевает все ту же мелодию, аккомпанируя себе на гитаре. Она склонилась на его плечо.

Антон Иванович отшатывается от них. Перебегает на другую сторону улицы.

Сворачивает за угол.

Навстречу ему, отбивая шаг, марширует взвод красноармейцев. Они поют все ту же песню. Несколько деформированная в соответствии с требованиями военного дела, она все же прекрасно звучит.

Антон Иванович бежит вверх по лестнице. В ушах у него все тот же мотив.

Он открывает дверь.

В пустой освещенной квартире гремит все та же проклятая мелодия.

Бросив на пол пальто, шляпу и зонтик, Антон Иванович вбегает в столовую и с яростью выдергивает из штепселя шнур радиоприемника.

Тишина.

Шатаясь, Антон Иванович идет в кабинет, бросается на диван и накрывает голову подушкой.

В кабинете полутемно. В окно светит луна. Пауза.

Стук в дверь.

Антон Иванович (*приподнимается на диване*). Войдите.

В комнату входит высокий, полный мужчина, с толстым веселым лицом, в атласном камзоле, светлых обтягивающих панталонах, чулках и туфлях с пряжками. На голове у него громадный напудренный завитой парик. Фигура человека слегка просвечивает.

Пораженный Антон Иванович идет навстречу гостю.

Гость отвешивает церемонный старинный поклон.

Антон Иванович вглядывается в его лицо.

Антон Иванович. Иоганн Себастьян Бах!!

Ба х. К вашим услугам, маэстро.

Антон Иванович. Как вы сюда... Впрочем, какой глупый вопрос! Садитесь, пожалуйста.

Бах садится в кресло. Антон Иванович пододвигает себе другое и тоже садится.

Бах (*оглядывая комнату*). Очень, очень мило. У вас квартира при церкви?

Антон Иванович. Простите... Как — при церкви?

Ба х. Но вы, маэстро, насколько я знаю, органист. А органисты...

Антон Иванович. А-а-а, я вас понял, маэстро! Я, видите ли, даю концерты!

Ба х. В церкви?

Антон Иванович. Нет, в консерватории.

Бах. Кто же вас там слушает?

Антон Иванович. Публика.

Бах (недоверчиво). И платит деньги?

Антон Иванович. Конечно.

Бах. Как вы, должно быть, счастливы, что не играете в церкви. Правда, казенная квартира, дрова; но жалованье маленькое и каждый день надо писать хоралы. Нет, вы положительно счастливцы!

Антон Иванович. Как, маэстро! Вы хотите сказать, что вы не любите писать хоралы!

Бах. Не то чтобы не любил. Некоторые я писал даже с удовольствием. Но, скажу вам правду, эта сухая церковная музыка никогда меня не привлекала.

Антон Иванович (всплескивая руками). Но ведь у вас есть гениальные хоралы! Возьмите хотя быopus сто двадцать восьмой.

Бах. Что-то не помню.

Антон Иванович напевает.

Бах. А-а-а, этот? Что ж! Посредственное сочинение. Вообще говоря, я всегда мечтал о другом. Вся жизнь мне хотелось сочинить... Ну, что бы вы думали?

Антон Иванович (с ужасом). Оперу?

Бах. Оперетту! Кажется, это у вас так называется? У меня был чудный сюжет. Понимаете, один герцог, проезжая мимо реки, увидел прелестную пастушку. Уж не помню, что там было дальше, но это было очень смешно. (Хохочет, трясая животом, вытирает слезы.) Очень, очень смешно!

Антон Иванович (подхалимским голосом). Конечно, если бы это написали вы, это было бы гениально! Но вот у нас в этом жанре такое пишут, что сердце кровью обливается. Ну, посудите сами, что это такое? (Напевает преследовавшую его мелодию Мухина.)

Бах (повторяя мотив). Недурно, по-моему, недурно! (Снова напевает.) Просто хорошо. Талантливо!

Антон Иванович. Нет, воля ваша, маэстро, но это не музыка.

Бах. Почему — не музыка? Нет, это музыка. Легкая музыка.

Антон Иванович (запальчиво). Для меня не существует легкой музыки! Когда я слушаю настоящую музыку, мне хочется встать и снять шляпу...

Бах. Вот вы какой!

Антон Иванович. Да! Перед музыкой нужно благоговеть!

Бах. Эге, батенька, да вы опасный сектант. (Рассердившись.) Дать волю таким, как вы, — и от музыки останутся одни псалмы да хоралы! Вздор какой! «Снять шляпу»! Нет, нет, вы сектант! Неужели вы не можете понять, что людям нужна музыка — и та, от которой

плачут, и та, которая вызывает смех. Но обязательно — талантливая. Непременно талантливая. А остальное все ерунда!

Антон Иванович (робко). Маэстро, но я всю жизнь доказывал, что лучшее из того, что вы сочинили, — это хоралы!

Бах. И напрасно вы это делали. Жизнь доказала другое. Что из моих сочинений играют сейчас? (Загибает палец.) Фуги, прелюдии, сонаты, концерты, ну, конечно, скрипачи любят «Чакону». Моих хоралов никто не играет.

Антон Иванович. Я их играю.

Бах. Гм... В таком случае удивляюсь, за что публика платит вам деньги. Я бы на вашем месте сейчас их не играл. Скучно.

Антон Иванович. У меня просто голова идет кругом!

Бах (встает с кресла и кладет ему руку на плечо). А вы не будьте таким нетерпимым. Не создавайте себе в музыке идолов. Уверяю вас, на свете гораздо больше талантливых композиторов, чем вы думаете. Не будьте упрямы.

Антон Иванович (упавшим голосом). Неужели я упрям?

Бах (с отеческой кротостью). Как осел. (Исчезает.)

Антон Иванович спит в той же позе, в какой его застал неожиданный гость.

Вскакивает с дивана и протирает глаза. Потом встает и идет в столовую.

Там горит свет. В открытую дверь видна передняя, где на полу все еще валяются пальто, шляпа и зонтик.

Антон Иванович идет в переднюю и аккуратно развешивает на вешалке свои вещи.

Потом возвращается в столовую и останавливается перед портретом Баха. Некоторое время смотрит на него.

Осторожно снимает с портрета какую-то соринку.

Антон Иванович. Так вот вы какой, Иоганн Себастьян Бах? Веселый толстый человек!

Улица. У подъезда дома Вороновых. Подъезжает такси, из которого высаживаются Наталия Михайловна, Дина, Сима, Витя и Мухин.

Автомобиль отъезжает.

Наталия Михайловна. Как же нам теперь быть?

Мухин. По-моему, пойти, коллективно стать на колени и все ему рассказать.

Сима. Как ты думаешь, мама? А? Может быть, попробуем?

Наталия Михайловна. Нет, дети, вы не знаете моего Антона Ивановича. Он очень упрям. Не то что Алексею Петрови-

чу — мне самой страшно сейчас идти к нему. Ведь он же видел нас в театре!

Сима. Знаешь, мама, мы сделаем так. Пошлем Витю вперед — на него он не будет очень сердиться. А потом пойдем все. А? Как будто ничего не произошло.

Витя. Стойте здесь. Когда будет можно, я вас позову. (Убегает).

Все входят в парадное.

Витя бежит вверх по лестнице. Остальные стоят внизу, задрав головы.

Витя осторожно открывает дверь. Слышны тихие звуки фисгармонии.

Стоящие внизу переглядываются. Потом пожимают плечами. Потом медленно идут вверх. Звуки усиливаются.

Подталкивая друг друга вперед, все входят в квартиру. Музыка становится еще громче.

Входят в столовую. Столбенеют.

Спиной к ним сидит Антон Иванович Воронов и с увлечением играет на фисгармонии арию из оперетты Алексея Петровича Мухина. Он по-своему украшает мелодию, находя в ней новые, органичные оттенки. Подпеваает. Раскачивается.

Витя неосторожно двигает стулом.

Антон Иванович испуганно оборачивается. Вскрывает. Захлопывает крышку фисгармонии. Потом начинает суетливо застегивать пиджак на все пуговицы.

Пауза. Все стоят потупившись.

Антон Иванович (косясь на портрет Баха). Да-а-а... Так-с... Вы, конечно, думаете, что старый упрямец будет топтать ногами, кричать «вон из моего дома!» и пить лекарство? (Кивает на Наталию Михайловну, которая уже держит в руках аптекарский пузырек и стакан с водой. Пауза.) Ничего этого не будет. И не ждите. (Строго смотрит на Симу.) Дочь Антона Ивановича Воронова поет в оперетке! (Поднимает палец.) Ну, иди сюда, примадонна!

Сима довольно робко подходит к отцу.

Антон Иванович обнимает ее и целует.

Антон Иванович (тыча пальцем в Мухина). Этого... я тоже должен поцеловать?

Сима. Да. Тоже.

Антон Иванович обнимает Мухина.

В дверях появляется Керосинов. Увидев происходящее в комнате, собирается улизнуть.

Дина. Подождите, подождите, Керосинов.

Керосинов (грубо). Что надо?

Дина. Это вы сказали папе, что Сима поет в оперетте?

Керосинов. Сказал. И я этим горжусь.

Дина. Ну и негодяй же *вы*, Керосинов!

Керосинов. Ах, так? *(Пауза.)* Я уйду из этого дома!

Все молчат.

Керосинов, Слышите? *Вы!* Мещане! Я уйду, чтобы никогда не возвращаться в этот дом!

Молчание.

Керосинов *(косясь на Антона Ивановича)*. Пускай ночь, пускай вьюга. Пойду — сдохну под забором. *(Пауза.)* Как пес. *(Пауза.)* Пусть пропадает талант! *(Машет рукой.)* Уйду!

Сима. Что ж вы не уходите?

Керосинов. И уйду!

Сима. И уходите.

Керосинов. И уйду. Завтра утром.

Сима. Почему же — утром? Уходите сейчас. Сейчас ночь. Вьюги, правда, нет, но дождик может пойти. Прекрасный случай умереть под забором. Кстати, захватите с собой вашу зоологическую симфонию.

Керосинов *(вяло)*. Я вас проклинаяю. Слышите *вы?* Мещане!

Антон Иванович *(взвизгивает)*. Пошел вон!

Керосинов исчезает за дверью.

Наталья Михайловна дает разволновавшемуся Антону Ивановичу выпить лекарство.

Антон Иванович *(выпивает лекарство и пустым стаканом показывает на дверь, за которой скрылся Керосинов)*. Это тоже было мое упрямство.

Тот самый консерваторский зал, в котором происходил концерт в начале картины. Антон Иванович исполняет на органе современную, очень сложную и эффектную пьесу.

В зале, в разных местах можно узнать всех действующих лиц этой картины. Здесь и учитель пения Андрей Аполлонович с лихо закрученными усами, и солидный Скворешников, который причесывается новым гребешком, и роскошная Ядвига Валентиновна со своим маленьким Кибриком, и, разумеется, вся семья Вороновых, в которую теперь с полным правом можно включить сидящего рядом с Симой Мухина. Здесь же присутствуют, конечно, и старички, приятели Антона Ивановича. Нет в зале лишь одного Керосинова. Впрочем, это неудивительно.

Антон Иванович берет последний аккорд.

Аплодисменты.

Антон Иванович раскланивается. Потом протягивает руки вниз и вытаскивает на подмостки смущенного, упирающегося Мухина.

Они раскланиваются, взявшись за руки. Снятые снизу, они величественны на фоне сверкающих труб и конусов большого органа.